

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ГОСТИНИЦА
АССОКАТ

КЛУБ
СМЕРТЕЛЬНЫХ
РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Клуб смертельных развлечений

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Клуб смертельных развлечений / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Господин адвокат)

Следователь Генпрокуратуры Александр Борисович Турецкий найден в бессознательном состоянии в служебной «Волге» в компании с мертвой стриптизершей, которая была застрелена из его пистолета. Громкий скандал привлекает внимание даже президента страны. Защищать следователя берется адвокат Гордеев, который сразу же выясняет, что слишком много людей заинтересовано в том, чтобы скомпрометировать Турецкого, расследовавшего одновременно несколько серьезных преступлений.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фридрих Незнанский

Клуб смертельных развлечений

Зло на земле в изобилии. Существует множество его разновидностей, тогда как добро почти единообразно. Но один вид зла почти так же трудно найти, как и то, что зовется добром, и это особое зло часто принимается за добро. Нужно даже незаурядное величие души, чтобы творить его, – так же, как и добро.

Блез Паскаль. Мысли

Если долго сидеть на берегу, можно увидеть, как труп твоего врага проплывет мимо.

Самурайская пословица, которая практически неприменима в российских условиях

Пролог

В воскресенье 14 апреля в Москве были задержаны двенадцать активных участников преступной группировки, среди которых несколько высокопоставленных сотрудников столичной милиции, – сообщил агентству «Интерфакс» представитель МВД России. Прокуратура, МВД и ФСБ России начали проверку информации о причастности задержанных участников организованной преступной группировки, состоявшей из сотрудников ГУВД Москвы, к серии заказных убийств, грабежей и разбоев. Уже установлена мастерская, где из газовых пистолетов путем доработки преступники изготавливали огнестрельное оружие для дальнейшей продажи другим организованным преступным группировкам. Оперативно-следственные действия, которые проводит следственная группа, доказывают, что нити этого дела ведут на самый верх.

15 апреля стало известно, что российский олигарх и нефтепромышленник Станислав Максаков купил американскую бейсбольную команду «Томагавки из Оклахомы». По слухам, сделка оценивается не менее чем в 200 миллионов долларов. Бейсбол в США необыкновенно популярен, и, вероятно, Максаков сделал выгодное вложение капитала, однако этот его шаг привел в негодование спортивную общественность России. Министр по делам спорта уже выступил с заявлением о том, что, разумеется, своими деньгами бизнесмен может распоряжаться как ему заблагорассудится, однако если он не знал, куда пристроить столь крупную сумму, то мог обратиться свой коммерческий взгляд на родное отечество, в котором спорт, как детский, любительский, так и профессиональный, постоянно испытывает трудности с финансированием.

В субботу 20 апреля в Москве на Ярославском шоссе откроется первый отечественный гипермаркет сети «Москарт».

Как сообщил руководитель Департамента потребительского рынка и услуг правительства столицы Анатолий Евгеньевич Локтев, в создание гипермаркета, аналогов которому ни в Москве, ни в России пока не существует, вложено 28 миллионов долларов. Он отметил, что столичные власти намерены расширять сеть российских супермаркетов – в ближайшие годы в Москве появятся еще восемь – десять таких центров. Два из них будут открыты уже в 2003 году, а остальные – в течение 2004 года. На церемонии открытия гипермаркета намерен присутствовать мэр столицы. «Москарт» на Ярославском шоссе располагается на площади 16,5 тысячи квадратных метров и состоит из двух торговых модулей: гипермаркета и торговой галереи, где предложено более 50 тысяч наименований продовольственных и промышленных товаров. Гипермаркет имеет наземную парковку на 1000 автомашин. Численность персонала

составляет около 600 человек. По информации «Интерфакса», гипермаркет построен на средства ООО «Москарт».

Глава 1

Детство

Детство всегда было для него понятием относительным. Оно не имело четко очерченных границ. В тот момент, когда у большинства детей оно сменялось отрочеством, у него началась свобода. Он не помнил своих родителей. По тем обрывочным сведениям, которые доходили до него, его отец вроде бы умер, а мать половину своей жизни промаялась в психиатрических лечебницах. Где она была сейчас, никто не знал. Единственное, что осталось ему в наследство, была самая обычная фамилия Дубинин. Впрочем, и она очень быстро трансформировалась до удобоваримого прозвища: Бова.

Бова – в пять лет, Бова – в двенадцать, Бова – в пятнадцать. Тогда казалось, это имя – на всю жизнь. Оно устраивало его гораздо больше, чем фамилия. Фамилия подразумевала наличие родственников, а их у него не было. Иногда он тосковал. Не по родителям, нет. А по чему-то, что было у других детей, ведь чем-то они отличались от него. Несмотря на свое кажущееся безразличие, глупым он не был. И еще обладал звериным чутьем. И оно подсказывало ему, что он не такой, как все. Он отличался не только от обычных домашних детей, но и от тех, кто жил с ним вместе в школах-интернатах для сирот.

Единственной непреложной истиной для него стало одиночество. Один – это не констатация факта, это образ жизни, а возможно, диагноз. Одиночество никогда не пугало его, с ним можно было жить, и причем очень даже неплохо. Проведя все детство в стороне от других детей, меняя раз в год детдома, он никогда не нуждался в чьей-либо поддержке. Ему не нужен был никто. Он искал в одиночестве свою силу и находил ее. Страх? Это понятие было для него чужим и непонятным. Можно бояться, когда ты можешь что-то потерять. А терять ему было нечего. Никто так и не смог объяснить ему, что такое страх. Он знал умом, что обычных людей пугает предчувствие боли, что приближающаяся опасность вызывает у них взрыв адреналина в крови. Дети, которых пугал страх наказания, говорили, что возможное разоблачение заставляло сердце биться с удвоенной скоростью. Он знал это, как знал и то, что живет на планете Земля и что она вертится. Но он знал это умом, но никогда не чувствовал.

За это его не любили. Не любили и боялись. Сначала детей восхищало, что он может залезть на крышу по трубе, а потом спрыгнуть с высоты двух этажей, не плача, даже если при этом у него отнимались от боли ноги. Когда он стал старше, то на спор прижигал себе руку, выигрывая таким образом все пари. Он никогда не спорил «на интерес», потому что его не волновала победа или поражение. Эмоции эти были ему чужды. Просто это было одним из средств получить лишнюю порцию за обедом или скопить какую-то сумму карманных денег, чтобы купить ножик.

Нож. Это отдельная тема.

Оружие Бова любил. Оно его завораживало. Он мог часами рассматривать, как блестит на солнце нож, как входит в тело птицы, пойманной во дворе. В его незрелом уме сталь ассоциировалась с волшебной палочкой. Ею можно было сделать все: отрезать, убить, с ее помощью можно было получить деньги...

В семь лет, в белгородском детском доме, за свое болезненное бесстрашие он чуть было не поплатился жизнью. Все произошло в первый же день, буквально в первый же час его пребывания в этом учебном заведении. Он стоял около кабинета директора вместе с двумя другими мальчиками, переведенными, как и он, из детдома города Вышимска, и ждал, когда выйдет Фома Кузьмич, который привез их сюда, и расскажет, что им теперь делать. Время шло. Фома все не выходил. Мальчишки начали от скуки слоняться по коридору, вышли на лестнич-

ную площадку, послушали, как ревет токарный станок в кабинете труда, вернулись на место, снова вышли на площадку, спустились на первый этаж. В вестибюле было тихо и безлюдно.

Вдруг откуда-то из-за стены раздался нечеловеческий вопль, а затем топот многочисленных детских ног. Через несколько мгновений в конце коридора показались бегущие дети. Они неслись сломя голову, словно за ними гналось безжалостное чудовище. Заметив стоящих около лестницы чужаков, один из бегущих парней замахал руками и что-то неразборчиво прокричал. Бова смог разобрать только одно: «Бегите!!!»

Бегите? Они приехали сюда час назад, а теперь должны были бежать неведомо куда, непонятно почему и от кого. Зачем?! Этот вопрос Бова часто задавал себе. Многочисленные «зачем» возникали в самых разных ситуациях, но он редко находил на них ответ. И сейчас, когда десять ошалевших парней пробежали мимо него, когда двое его товарищей, с которыми он приехал, последовали их примеру, он остался стоять на месте и смотреть в конец коридора, стараясь найти там ответ на свой, такой на первый взгляд простой вопрос. Зачем бежать?

И вот в конце коридора появился Он. В нем не было ничего сверхъестественного. Ни крыльев, ни рогов, ни копыт. Он не извергал огонь и не клацал зубами. Это был простой пятидесятилетний завхоз Гордеич, с врожденной хромотой на правую ногу и лысой, как коленка, головой. Он не был злодеем. Он был просто запойным алкоголиком. В принципе, он даже любил детей. В свои редкие трезвые дни. Но в минуты, когда разум оставлял его, а выпитой водки еще не хватало, для того чтобы свалить завхоза в постель, он зверел. И повода особого не требовалось, и сдержат его было некому. А сейчас десятилетние засранцы дали ему этот повод: детки решили повеселиться и разбавили ему водку уксусом. Гордеич выпил отраву и понял, что сердце жаждет мести.

Он ковылял по коридору, тяжело дыша и безостановочно матерясь. В его руках то и дело мелькал тонкий металлический жгут. Он знал, что не догонит гаденышей, но не мог остановиться, он должен был бежать, он должен был мстить. Он должен был... И в этот момент он увидел Бову.

Мальчик стоял около лестницы и смотрел на него. Его не мучили угрызения совести, он не чувствовал страха, он просто стоял. И разглядывал его с любопытством, как какое-то редкое насекомое. Гордеичу даже показалось, что мальчик взглядом, как булавкой, приколол его к бумаге, будто бабочку.

Гордеич забыл о том, что любит детей. Он уже не помнил, почему он был в ярости, он забыл про уксус и водку. Он только почувствовал, что взял с собой жгут неспроста. Он взял его, для того чтобы стереть с лица земли этот холодный недетский взгляд маленького выродка. В следующий миг он обрушился на Бову.

Зачем? Это был отвратительный вопрос. Вопрос, на который Бова так и не смог найти ответ. Он успел закрыть лицо, сжаться в комок и подтянуть ноги к груди. Боли он почти не чувствовал, потому что она захватила все его сознание. Кроме боли, не было ничего.

Его спасло чудо. У Гордеича не выдержало сердце. Он последний раз взмахнул жгутом, но так и не ударил им. Его лицо на мгновение приобрело осмысленное выражение, в нем промелькнуло страдание. А затем он умер.

Это была первая смерть, которую увидел Бова.

Он провел полгода в больнице, на его руках и спине остались широкие шрамы, но он выздоровел. И вернулся в детдом. И страх по-прежнему был чужд ему.

Но и после этого случая он не стал среди ребят своим. Его обходили стороной, считая, что он немного не в себе. Ребята не могли понять, почему он не убежал от Гордеича. Почему остался. Одно время даже ходили слухи, будто это он убил завхоза. Правда, этому не особо верили, но тем не менее рекламой для Бовы это стало неважной. Его не приглашали участвовать в играх и в проказах. Зато о нем вспоминали, когда наступало время драки с заводскими.

Тогда он становился незаменим. На старом футбольном поле сходились стенка на стенку парни из заводского микрорайона с детдомовскими и бились до крови.

Бова любил драться, любил чувствовать, когда кулак достигает цели, когда слегка ноют сжатые пальцы, когда почти бесшумно похрустывают суставы. Он был идеальным бойцом. Он мог драться с двумя, с тремя, с пятью. Его могли бить ногами, руками, хоккейными клюшками, все равно он оставался победителем. Если его валили на землю, то через секунду он поднимался и бросался на врага с удвоенной яростью. Если у него выступала кровь, то противник понимал, что не отделается пустячными синяками. Если он терял сознание, то все знали, что во время следующей драки он непременно отыщет обидчика и расквитается с ним. Он не умел проигрывать. С возрастом он оценил вкус победы ради победы. Финальную точку в любой драке, с кем бы Бова ни дрался, мог поставить только он, и никто другой. Если его лишали такой возможности, он ждал своего часа. И когда этот час наступал, он был жесток и не по-детски хладнокровен.

В пятнадцать лет у него впервые в жизни появился друг. Маленького Сашу перевели к ним из камышинского детского дома. Щупленький, тощий рыжик с конопушками. Первый раз Бова увидел его на футбольном поле. За детдомом был пустырь, который ребята расчистили сами, соорудили подобие ворот и часто теплыми вечерами там играли. Иногда к ним присоединялись дети, живущие неподалеку.

Бова в этих играх не участвовал, его не приглашали, потому что в первый же раз, когда он вел мяч к воротам противника, он сшиб мальчика, который хотел остановить его, и сломал ему ногу. Воспитатели сказали, что это случайность, в спорте бывает еще не то, но мальчишки отказывались с ним играть. Так же, как и всегда. Они считали, что он слишком жесток и сделал это специально.

Поэтому он не играл, но часто приходил посмотреть, как играют другие. В тот раз он отметил, что среди знакомых фигур появилась новая, с яркой головой, похожей на апельсин. Мальчишка был шустрым и очень драчливым. Если его задевали, он подскакивал к обидчику, как молодой петушок, и кричал на него. Тогда он просто отметил новичка, как отмечал автоматически все новые явления, с которыми сталкивался.

В следующий раз он столкнулся с ним в столовой. Рыжий со слезами на глазах, но молча, сжав зубы, отбивался от двух мальчишек постарше. Те били его серьезно. Дубинин прошел мимо, даже не думая вступаться, такие разборки были здесь самым обычным делом. Выживал сильнейший, это Бова усвоил с младенчества. Окружающий мир не давал ему повода усомниться в этой простой истине.

Постепенно новенький прижился, влился в коллектив, у него появились здесь друзья. Бова часто с удивлением видел его в окружении детей. Саша показывал им что-то, а они смеялись. Малыш был настоящим комиком. Бова заинтересовался, что такого интересного делает этот задохлик, и однажды подошел поближе к детям, которые кольцом обступили новенького. Саша мельком оглянулся на Бову и продолжил представление.

Это было шоу! Он изображал разных людей: их директора, учительницу математики, сторожа. И делал это так, что даже Бова не выдержал и рассмеялся. Это было столь неслыханным событием, что престиж Саши поднялся еще выше. До этого Бову никто не видел смеющимся.

Однажды в столовой Саша подсел к Бове, который в одиночестве доедал хлеб, оставшийся от обеда.

– Почему ты всегда сидишь один? – спросил его одиннадцатилетний паренек, и Бова не нашелся, что ответить.

Саша подождал, но ответа не услышал. Это его не смутило.

– Хочешь, я покажу тебе свой секрет? – заговорщицки склонился он к Бове. Тот неопределенно пожал плечами.

– Смотри. – Мальчик полез в карман и достал оттуда малюсенькую корзинку, размером не больше пятикопеечной монеты. В корзинке сидело два цыпленка из желтого пуха. У птичек даже были глазки и клювы, и вообще они сильно напоминали настоящих, только уменьшенных в размерах, будто перенесенных сюда из Лилипутии.

Саша полюбовался ими немного, дал Бове. Тот без особого интереса повертел цыплят в руках и отдал ему.

– От бабушки осталось, – с гордостью сказал мальчик. – Я никому это не показывал, только тебе. Не говори никому. – И Саша убежал.

После этого он часто подходил к Бове, старался вместе с ним есть, часто приглашал его гулять, а однажды даже подрался с двумя старшими, когда они сказали, что Бова псих и что они не хотят с ним вместе идти в кино.

Дубинин чувствовал, что начинает привыкать к мальчику. И это ему не нравилось. Всю жизнь он был один, он привык к этому, и это чувство нужды в другом человеке мешало ему, как заноза в ноге.

Один раз Сашка попросил его сходить с ним в кино. Показывали «Фантомас», фильм Бова видел уже два раза, но почему-то не отказался.

Саша был еще совсем мальком, снисходительно заметил про себя Бова, глядя, как мальчишка радуется тому, что происходило на экране. Он даже угостил малька мороженым, потратив на это весь остаток своих карманных денег. У детдомовских денег было немного, и добывание их было связано с определенными сложностями.

После кино Сашка потащил своего взрослого приятеля гулять, по дороге рассказывая о своей семье. Своих родителей он, как и Бова, не помнил. Они насмерть замерзли в степи по пути домой, возвращаясь ночью на колхозном тракторе из другого села. Двигатель заглох, и они сбились с пути, пытаясь отыскать дорогу. Тогда Саше было года два. Они с братом, которому уже было двенадцать, стали жить у бабушки в Воронеже. Старушка растила их несколько лет, но умерла, когда Саше исполнилось семь. Ему пришлось отправиться в детский дом. Сначала они с братом были вместе, но через год тому исполнилось восемнадцать, и он смог вернуться в бабушкину квартиру, где был прописан. Младшего брата он забрать не успел. Его забили насмерть в пьяной драке на проходной завода, где он успел проработать три месяца.

– Знаешь, ты очень похож на моего брата, – сказал Сашка Бове, жадно облизывая эскимо. – Я тебя люблю. Давай теперь ты будешь моим братом?

Что испытал Бова в этот момент? Нежность? Ревность к незнакомому ему брату Сашки, которого так любил рыжий пацан? Он и сам толком не понял. Но с этого дня его отношение к Рыжему резко изменилось.

Через несколько дней он увидел, как Коля, его ровесник, зажав Сашку в углу, выворачивал ему руку. Бова мгновенно оказался рядом. Ему достаточно было просто посмотреть на Колю, чтобы тот разжал руку и отошел в сторону.

– Еще раз увижу, что ты его тронул, убью! – спокойно, как о чем-то будничном, сообщил ему Бова.

Коля кивнул и убежал не оглядываясь. Он знал, что Бова сделает то, что обещал.

С тех пор Сашку все оставили в покое, а он гордился тем, что находится под защитой самого Бовы. Он был не таким безрассудным, как Бова, который ничего не боялся, но ненавидел все, что, на его взгляд, было несправедливым, и всегда стоял на своем.

– Не бойся, – говорил он плечистому, сильному Бове, – мы с тобой можем сделать кого угодно. Пусть не думают, что на них нет управы. А если этот Зекин еще раз назовет тебя психом, я ему нос сверну. Я так и сказал!

Часто он просто сидел рядом и смотрел, как Бова играет со своими ножиками. Сашка и сам здорово умел кидать ножи, почти так же хорошо, как Бова.

– Слушай... Представляешь, как было бы хорошо, если бы у нас были родители? – как-то спросил его мальчик.

Бова не представлял. Для него это было настолько чуждым и непонятным, что он даже не тосковал, как многие другие ребята, втайне мечтающие найти своих родителей.

– Да, и жили бы мы с тобой в настоящей квартире с ванной, и у нас была бы отдельная комната, – фантазировал Сашка, стругая какую-то веточку для своей модели корабля. Он очень любил мастерить кораблики с помощью палочек, пластилина и бумаги. – У тебя были бы гантели, а у меня – письменный стол. И полка, на которую можно ставить мои кораблики. А еще у нас были бы всякие книги... Интересные. С приключениями. И можно было бы ходить в кино каждый день, а еще смотреть телевизор... А еще есть колбасу каждый день! А мама бы покупала нам рубашки и новые штаны. Папа играл бы с нами в футбол...

Бова слушал его и пытался представить себе эту жизнь. И не мог. И сердился на себя за это. Ему тоже хотелось, чтобы у него была отдельная комната, убеждал он себя. И чтобы колбаса каждый день. И не мог убедить, потому что чувствовал, что не нуждается в этом, как не нуждается ни в гантелях, ни в телевизоре, ни во вкусной еде. Он даже не мог представить, для чего нужна мама и зачем для футбола нужен отец. Но ему очень хотелось почувствовать то, что чувствует этот мальчик с веснушками и голубыми глазами.

Ребята постепенно привыкли к их дружбе и даже не удивлялись. Бова был странным типом, это верно, но, в конце концов, каждому свое. И если Рыжему так приспичило общаться с психом, это его личное дело...

Это случилось спустя полгода после приезда Саши в их детдом. Бова возвращался с новым ножиком, который сумел выменять у одного алкаша за пару бутылок водки. Водку Бова на этот раз заработал честно, помог разгрузить машину с дровами одной супружеской паре.

Еще издали он увидел, что во дворе детского дома почему-то стоит «скорая». Эта машина нечасто появлялась у них, потому что ребята болели редко, а врачей к ним вызывали еще реже. На этот раз рядом с машиной толпились дети. И смотрели на что-то, чего Бова не видел.

Он хотел было пройти мимо. Его не слишком интересовало, что там стряслось, он спешил показать Сашке свой новый ножик. Но что-то привлекло его внимание, и он подошел поближе. Ребята, увидев его, расступались и прятали глаза.

Что-то тяжелое и холодное навалилось ему на грудь, стало трудно дышать, а во рту почему-то стало солоно. На земле в странной позе сломанной куклы лежал Сашка. Его Рыжий. Его руки были раскинуты в стороны, а голова вывернута.

– Полез за кошкой и упал с дерева. И всего-то метра три, и как неудачно... – краем уха он слышал разговоры врачей.

Мужчина в куцем белом халатике уже закончил осмотр тела, и санитары собирались грузить его на носилки.

Бова чувствовал, как из его тела уходит душа. Душа одиннадцатилетнего ребенка, неудачно упавшего с дерева. У него, Бовы, только что кто-то отнял последний шанс понять, что же хорошего в том, чтобы каждый день есть колбасу на завтрак и ставить на собственную полочку модели кораблей. И он молча стоял и смотрел, как тело Сашки грузят в нутро «скорой». Он опять остался один со своим одиночеством, от которого уже успел отвыкнуть. И тогда он стал ненавидеть всех.

Глава 2

Нехорошая история

Фактически зима все затягивалась, эхо ее отдавалось уже в календарной середине весны – то неожиданным снегом, то минусовой температурой, а тут, буквально за один день, в городе резко потеплело. И взопревший Турецкий повесил на вешалку теплую куртку. Это совпало с транспортной проблемой. У Турецкого медным тазом накрылась машина. Вернее, он об этом даже не подозревал, когда отбуксировал ее в автосервис по какой-то ерундовой, но очень неприятной причине. Но вот там-то все и выяснилось. Причем ведь не у посторонних людей чинил он свою многострадальную «Ниву»: автослесарь был в доску свой мужик, не раз и не два выручавший следователя Генпрокуратуры. И вот он-то и сообщил Александру Борисовичу, что если тот еще желает в обозримом будущем пользоваться услугами своего железного коня, то жизненно необходимо навести в его внутренностях идеальный порядок, на что потребуется дня три, никак не меньше.

Турецкий вздохнул и вызвал служебную машину, что, сказать по правде, он делать не любил: черная «Волга», приметные номера, ну и все такое. Свободных машин, однако, не было, хотя к вечеру Турецкому обещали предоставить таковую в его безраздельное пользование. Турецкий сразу же на всякий случай договорился с начальником гаража, что за рулем будет сидеть сам (на то у него имелись причины профессионального свойства: намечалась встреча, на которой лишние глаза и уши были ни к чему). Итак, пришлось ехать общественным транспортом.

Уже подходя к турникетам станции «Фрунзенская», Турецкий вспомнил, что в кармане куртки остался проездной, который ему с кривой усмешкой вручила супруга. Ну остался и остался, не возвращаться же, в самом деле, из-за такой ерунды. Турецкий купил новый. Но когда ехал по эскалатору, вспомнил, что и удостоверение работника Генпрокуратуры у него лежало все в той же куртке. Это было уже серьезнее, но, почесав затылок, Турецкий решил, что, пожалуй, может себе позволить один день обойтись без могущественной корочки. Через пару минут он доехал до станции и двинулся уже было к поезду, как вдруг холодом пронзила ужасная мысль: а ведь его любимая открывалка для пива тоже осталась все в той же злополучной куртке?! Итак, пришлось все же возвращаться. Говорите, плохая примета? В работе следователя Генпрокуратуры хороших примет не бывает.

Утром следующего дня Ирина Генриховна Турецкая еще до работы забежала в ближайший магазин, едва тот открылся: в доме шаром покати, несмотря на то что муж вчера застрял на работе и даже не ночевал дома. Ну да не в первый раз.

Знакомая продавщица, дородная Танечка, зевая, протирала прилавок, ожидая очередную серию латиноамериканского «мыла», лениво поглядывая в экран маленького телевизора, но пока что там передавали новости.

– Привет, – дружелюбно выдохнула Турецкая.

Продавщица кивнула: здорово, мол. Из телевизора тем временем доносились слова ведущего новостей:

«Россия занимает шестьдесят третье место в мире по параметру „развитие человеческого потенциала“. Об этом говорится в очередном докладе ООН, передает „Эхо Москвы“. Этот индекс рассчитывается по ста семидесяти пяти странам на основе данных о продолжительности жизни, уровне образования, реального дохода на душу населения, использования новейших технологий и других параметров. Россия на одно место отстала от Маврикия, но опередила Колумбию. При этом в некоторых регионах уровень жизни сопоставим, например, с Никарагуа,

а в Москве – со Словенией. Низкий рейтинг обусловлен малой продолжительностью жизни (в среднем шестьдесят семь лет) и большим разрывом между бедными и богатыми. Любопытно, что в пятерку лидеров не вошли, например, такие страны, как Франция или США. Наиболее же эффективно, по мнению ООН, развивают человеческий потенциал Норвегия, Исландия...»

Турецкая отдышалась, покачала головой, да уж, такие, мол, дела, как в Словении живем, и сказала:

– Танечка, куры есть?

Продавщица открыла морозильную камеру, достала оттуда единственную (бывает и такое) курицу и, не глядя, положила ее на весы. Весы показали ровно килограмм.

Турецкая сказала:

– Килограмм? Суп, туда-сюда, маловато, в общем, получается.

Но продавщица диалог не поддержала, она смотрела телевизор.

«Прокуратура и счетная палата должны отследить этот дурно пахнущий феномен – откуда в России за восемь-девять лет появились долларовые миллиардеры», – сказал на пресс-конференции в Мадриде спикер российского парламента. Во главе российской делегации он принимает участие в сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ. «В девяти из десяти случаев эти миллиарды появились потому, что нарушалось российское законодательство и создавались определенные преференции в пользу некоторых компаний», – заявил спикер. Вместе с тем председатель Госдумы подчеркнул, что речь не идет о полном пересмотре итогов приватизации в России. «Нашим доморощенным миллиардерам мало, взяв хорошие деньги и создав мощную недвижимость за рубежом, остановиться на этом – им становится скучно в рамках своего бизнеса, им хочется чего-то большего, чем-то себя заявить, и кто-то готов сам идти в политику, кто-то двигает туда своих представителей, кто-то может позволить себе приобрести американский бейсбольный клуб. Да это же просто плевок в сторону России!..»

– А покрупнее не найдется, Танечка?

Продавщица молча взяла курицу и сунула ее назад в морозильник, потом автоматически пошарила там рукой и вытащила ее же во второй раз. Положила на весы и чуть придержала их пальцем. Весы показали кило двести.

Турецкая прикинула: суп, туда-сюда, не забыть еще морковку, лук обязательно, растительное масло... все равно недостаточно...

– А знаете что, Танечка, – сказала жена следователя, – заверните обе.

Продавщица открыла было рот, не зная, что сказать, но говорить ей не пришлось, потому что теперь уже покупательница впиалась в экран, на котором новости от международных сузились до московских, и в частности – криминальных. Диктор сообщал что-то из разряда криминальных событий, а на экране была фотография салона автомобиля: на заднем сиденье без признаков жизни лежала полураздетая девушка, а за рулем спал, по-видимому, пьяный мужчина. До сердечной боли знакомый пьяный мужчина. Ирина Генриховна, выронив курицу, бросилась из магазина.

Весна была хоть и холодной, но в разгаре, утро – туманным, настроение – паршивым. Таблетка «алкагельцер» не помогла. Затылок слегка ломило, во рту – непрекращающаяся сухость, и вообще хотелось завалиться в койку с бутылочкой пива. А лучше – с двумя. Но делать нечего, работа есть работа, и Гордеев вывернул руль направо и тормознул в полусотне метров от Ярославского вокзала. Вышел из машины и двинулся к ближайшему ларьку. Пива он, конечно, себе сейчас позволить не мог, но хотя бы холодной минералки.

Неподалеку от ларька прямо на земле сидел какой-то человек. Расплачиваясь, Гордеев никак не мог отвести от него взгляд. Про таких принято говорить: «без определенного места жительства», или, попросту говоря, бомж, но в позе именно этого человека было столько спокойствия, если не сказать достоинства, словно именно этот кусок асфальта и был его самым что

ни на есть определенным местом жительства, ну а в довершение всего бомж курил... сигару. Да-да, грязный и давно небритый человек в лохмотьях курил роскошную длинную сигару. Гордеев забрал свою воду и пошел назад, к машине, постепенно переключая свое внимание на более актуальные проблемы, которыми жизнь преуспевающего адвоката в Москве полна под завязку. Он направлялся в Лефортово.

Вот, например, существует так называемый классический тип адвоката, который верит в прецеденты. Такой юрист свято убежден, что как в литературе все сюжеты давным-давно использованы, так и в юриспруденции все преступления уже однажды совершены, и теперь безмозглые преступники просто движутся по хорошо заасфальтированному шоссе. Обычно в нестандартной ситуации, то есть когда у него нет готового решения, такой адвокат бежит в свою библиотеку, зарывается там, как крот, и в конце концов появляется на свет божий с каким-нибудь подобным делом, которое уже рассматривалось в суде лет двадцать назад. Пожалуй, если ему случится столкнуться с чем-нибудь действительно новым, то он, наверно, грохнется в обморок.

Но не таков был Гордеев, даром что карьеру свою он начинал, так сказать, по другую сторону барьера – в Генеральной прокуратуре. Кстати, о Генеральной прокуратуре. Черт бы ее побрал!

Гордеев притормозил, показал на КПП пропуск и припарковался на служебной стоянке СИЗО Лефортово. Захватил кожаный портфель с заднего сиденья и пошел в тюрьму. Да, вот именно, зло подумал Гордеев, я пошел в тюрьму. А как еще об этом скажешь? И хотя по роду профессиональной деятельности бывать здесь приходилось не раз и не два, сегодняшнее посещение следственного изолятора вызывало особые, смешанные чувства. Точнее, человек, который их вызывал... Точнее... Тьфу ты! Он перестал наконец копаться в себе, пройдя три раза на разных этажах проверку документов и оказавшись в маленьком кабинете со столом, двумя стульями и зарешеченным окном.

Сейчас Гордееву предстояло защищать своего давнего знакомого, чтобы не сказать больше – наставника и учителя, Александра Борисовича Турецкого. И никакие прецеденты тут не проходили. Кстати, декадный служебный пропуск, который адвокат только что продемонстрировал на КПП, ему выбил как раз Турецкий. Такая вот ирония.

Гордеев ждал недолго: Турецкого привели спустя минуты четыре. Вид у него оказался довольно независимый (из кармана пиджака торчала газета), у немолодого охранника – напротив, довольно смущенный, видно, знал, с кем имеет дело. Впрочем, как только охранник вышел, заперев за собой дверь, физиономия Турецкого приняла другое выражение, точнее, там была целая гамма: смущение, досада, раздражение, нетерпение и еще бог знает что. Они молча пожали друг другу руки, после чего Турецкий широким жестом хозяина предложил садиться.

– Что скажешь, Юра?

– А что тут говорить? – хмуро сказал Гордеев. – Жизнь коротка, как минет на Тверской.

– Жестко, – отметил Турецкий. – И боюсь, что очень точно.

– Это не я придумал, это «Свинцовый туман».

– Еще жестче, – не то одобрил, не то осудил Турецкий. Он бросил косой взгляд в зарешеченное окно. На улице действительно не видно ни зги.

– Да нет же, Александр Борисович, – с досадой объяснил адвокат. – «Свинцовый туман» – это рок-группа такая, и это они спели: жизнь коротка, как... это самое на Тверской.

– А, – без особого интереса сказал Турецкий. – Ну и фиг с ними. Лучше скажи, как мои дела? Как говорит Славка Грязнов, я – суворовский солдат и хочу знать свой маневр.

– Ваш маневр, Александр Борисович, сидеть тихо до моей команды.

Гордеев решил, что лучше пока не выставлять напоказ своих дружеских отношений с Турецким, и поэтому заговорил на «вы».

Турецкий внимательно посмотрел на адвоката, оценил сказанное и кивнул. Но все же поинтересовался:

– А как это я могу сидеть тут громко, а?

– Камера, кажется, одиночная? – вопросом на вопрос ответил Гордеев. – Теплая, сухая. Никто ведь не трогает. Жена не достает. Телевизор есть, спортивный канал ловит. Газеты приносят. Я вам удивляюсь, Александр Борисович, наверно, даже члены ГКЧП хуже сидели. Не говоря уж про воров в законе. А вам... чего еще желать-то?

– Члены ГКЧП были виновны, понимаешь?! Не говоря уж про воров в законе. А ты что, издаваешься? – тихо спросил Турецкий.

– Ну есть немножко, – не отказался Гордеев. – Надо же как-то разряжаться...

Наверное, с минуту они молча смотрели друг на друга.

– Не за мой счет, – попросил Турецкий.

– Ладно. Значит, так. Здесь все, что мне удалось собрать. – Гордеев протянул своему подопечному жиденькую папочку.

Турецкий бегло пролистал. Пара газетных вырезок, показания бармена ночного заведения, официанток, еще двух каких-то свидетелей.

– Не густо.

– Да уж.

– Каковы мои позиции?

– Довольно устойчивые, я думаю, – поскреб затылок Гордеев. – Скандал ведь никому не нужен.

– Кроме того, кто все это устроил, – напомнил Турецкий. – Скандал уже есть.

Гордеев встал и задумчиво прошелся по узенькой комнате, для этого хватило шести шагов.

– Не уверен, не уверен, – пробормотал он.

– В чем ты не уверен? – насмешливо поинтересовался Турецкий.

– Мне вот, например, очень не нравится, что я до сих пор не могу встретиться со следователем из ФСБ, который ведет ваше дело. Некто Игнатьев. Знаком такой?

– Я его видел, разумеется, иначе бы здесь не сидел. Толстяк, потеет все время. Но, во-первых, я и сам с ним разговаривать без твоего присутствия не собирался, о чем тут же предупредил, а во-вторых, он моментально слинял, – развел руками Турецкий.

– И больше не объявлялся?

– И больше не объявлялся.

– Н-да-а...

Гордеев подумал, что со стороны вся эта ситуация выглядит комично. Следователь Генпрокуратуры натурально сидит в тюрьме. Зачем? Почему? За что? А может, старшие товарищи (тот же Меркулов) просто решили дать возможность Александру Борисовичу хорошенько отдохнуть? Хм... С помощью такого вот громкого скандала. То, что это «подстава», сомнений нет, так и Грязнов вчера сказал, причем подстава не сказать чтобы очень уж тонкая, но грамотная, умная, качественно сработанная, раз до сих не появилось ни единой зацепки, чтобы Турецкого из СИЗО вытащить.

– Слушай, Юра, – сказал вдруг Турецкий, – ты знаешь систему перестука?

– Систему чего? – удивился Гордеев.

– Ну как эки между камерами перестукиваются? Как бы мне в этом разобраться? Все перестукиваются, один я ни черта не понимаю. Обидно.

– Почему обидно?

– Ну как же! А еще следователь! Элементарных вещей, оказывается, не знаю! Мало ли что в жизни может пригодиться. Вот система перестука определенно могла бы пригодиться. Там, понимаешь, каждая буква выделяется особым образом, скажем, «а» – один раз, «б» –

два и так далее. Но невозможно выстукивать одну букву тридцать два раза! И главное, как их разделять между собой? По букве в час, что ли?!

– Александр Борисович, на черта вам система перестука, если вы тут не задержитесь, я вам обещаю! – Гордеев потер виски пальцами и шумно вздохнул.

Турецкий внимательно посмотрел на него и изрек:

– Ты с похмелья, что ли?

Адвокат развел руками: так случилось, мол, не моя вина...

– Ага! – одновременно с осуждением и завистью сказал Турецкий. – А я тут как раз прочитал, – он бросил на стол «Известия», – что пагубное пристрастие людей к наркотикам, алкоголю и табаку частично определяется их генами. В Оксфорде вычислили. Они там исследовали десять тысяч человек, представляешь? Они же запросто могли это исследование здесь провести, в Лефортове, и результат был бы еще более впечатляющий. Или, допустим, в «Распутине».

– Александр Борисович, ради бога...

– Нет уж, ты послушай! Оказывается, на особенности личности и наклонности, которые ведут к нездоровому образу жизни, сильно влияют генетические факторы, вот!

– Да неужели? – усомнился Гордеев.

– Точно тебе говорю.

– Так что же, дражайший Александр Борисович, вы мне предлагаете воспользоваться этим аргументом в суде?! Мол, плохие гены вам достались по наследству, и потому за свои поступки вы отвечать не уполномочены?

– Ну, – задумчиво сказал Турецкий, – ты адвокат, тебе видней, как защиту строить...

Гордеев, сдерживая раздражение, некоторое время смотрел на своего подопечного, пытаясь понять, что у него на душе и что он себе, собственно говоря, думает. Потом адвокат хлопнул себя по лбу и открыл портфель:

– Совсем забыл, у меня для вас презент. – С этими словами он достал... гранату-«лимонку».

Турецкий даже отшатнулся.

– Ты... Юрка, ты в своем уме?!

– А что такого? На крайний случай у вас всегда остается шанс решить все разом. – Гордеев сделал движение, словно хочет выдернуть чеку.

Турецкий бросился на него и вцепился в руки. В какую-то долю секунды у следователя Генпрокуратуры пронеслась мысль: а как он, собственно, сюда *это* протащил?! Но Гордеева Турецкий все же не выпускал, наконец адвокат сам взмолился:

– Сан Борисыч, да это же шутка!

Оказалось, в антураж «лимонки» была упакована туалетная вода с какой-то надписью. Турецкий присмотрелся: «l'Adieu Aux Armes».

– «Прощай, оружие», что ли?

– Ну. – Гордеев присел, переводя дыхание и подумал, что если охрана за ними сейчас наблюдает, то хорошо же они смотрелись – легендарный следователь Генпрокуратуры и широко известный в узких кругах адвокат. – Ну и спектакль устроили...

– Что значит – прощай, оружие?! – возмутился Турецкий. – Ни хрена не прощай! Ты на что это, паршивец, намекаешь, вообще?!

– Александр Борисович, да успокойтесь же, – пытался вразумить подопечного Гордеев. – Ни на что я не намекаю. Просто я позвонил вам домой, поинтересовался у Ирины Генриховны, что вам сюда привезти помимо всего прочего, а она сказала, что вас всегда раздражают посторонние запахи, в тюрьме их наверняка предостаточно, и неплохо бы снабдить вас каким-нибудь дезодорантом, я заехал в «Седьмой континент», увидел там эту штучку, «Прощай, оружие» – остроумное название, ну и решил, что забавно будет...

– Да уж, – пробурчал Турецкий. – Веселей не бывает... Как там Ирина вообще?

– По-моему, вполне бодро, все говорила про какой-то выпускной концерт своих учеников.

– Нет, ну надо же! – тут же возмутился Турецкий. – Мужа в острог, можно сказать, упекли, а она о музыке своей беспокоится! – А про себя подумал: хорошо, что Ирка спокойна, хорошо, что у нее сейчас дел не впрокорот... Хотя знаем мы это спокойствие.

– Что делать, Александр Борисович? – философски заметил адвокат. – Жизнь продолжается.

– Да уж, – вздохнул Турецкий. – А ты, значит, выпивал? – снова не впопад сказал он. – Вместо того чтобы своего драгоценного клиента из «гестаповских застенков» вызволять, ты, значит...

– Ну уж вы скажете... Просто вчера допоздна с Константином Дмитричем и Вячеславом Ивановичем обсуждали эту заковыристую ситуацию и пути ее разрешения.

– Что, и Костя тоже с вами наяривал? – удивился Турецкий.

– Нет, Меркулов ушел...

– Ну?

– ...как только Грязнов вторую бутылку «Ахтамара» вытащил.

– Школа, – оценил Турецкий.

Гордеев горестно покивал.

– А вы, значит, продолжали? И сильно?

Еще один кивок. Гордеев даже приложил ладони к вискам, тяжела, мол, жизнь подростка.

– Взрослый – тот, кто преуменьшает, а не преувеличивает количество выпитого накануне, – назидательно сообщил Турецкий.

Гордеев только вздохнул.

– Ну и как, придумали что-нибудь ценное?

– Так, в общем и целом, – промямлил адвокат.

– Придумали! – взорвался Турецкий. – В общем и целом! Ни хрена вы не придумали! Если бы придумали, я бы уже тут не сидел! Все, начальник, устал я от тебя, зови охрану, в камеру хочу.

Гордеев воспринял это как призыв к нормальному разговору, уселся с комфортом, насколько это было возможно, достал свой любимый «паркер», некогда Турецким же подаренный, и принялся фиксировать необходимое.

– Александр Борисович, вы помните, как оказались на Ярославском шоссе?

– Боюсь, что нет.

– Переформулирую. Что последнее вы помните из событий того вечера?

– Счет в ресторане, – усмехнулся Турецкий. – Ну а если без шуток, то, как я вышел на стоянку «Распутина», сел в машину и отъехал. Дальше – пустота.

– Вы были сильно пьяны?

– Вообще не был.

Гордеев округлил глаза.

– Представь себе, Юра, это медицинский факт.

– Но ведь когда вас обнаружили, вы были фактически в бессознательном состоянии, настолько...

Турецкий усмехнулся:

– Большая доля алкоголя в крови, да? Как говорят тинейджеры: бла-бла-бла-бла... Ты что, не знаешь, как это делается? Или в кино никогда не видел, как в человека водку вливают?

Плохо, подумал Гордеев, очень-очень плохо. Это ни за что не докажешь. Напротив, все знают, что А. Б. Турецкий выпить не дурак, совсем не дурак. Да и по женской части не безгрешен...

– Значит, алкоголь вы там не пили?

- Нет.
- Даже в качестве коктейлей?
- Говорю же, что ни капли.
- А что же тогда, Александр Борисович?
- Минеральную воду, устраивает?
- Вполне. Какую именно? – Гордеев записывал.
- «Перье». Такую – в маленьких зеленых бутылочках. Французскую.
- Я знаю. Со льдом?
- Нет. С лимоном.
- Гордеев по-прежнему все фиксировал.
- Но алкоголь вам туда не добавляли?
- По моей просьбе – нет.

Гордеев выпрямился и посмотрел своему давнему товарищу в глаза. Турецкий спокойно выдержал этот взгляд.

– Александр Борисович, дорогой, но позвольте, что же в таком случае вы вообще там делали – в ночном клубе? Если с девушкой этой вы не знакомились и алкоголь не употребляли, каким ветром вас туда занесло?

- Ты не знаешь, чем занимаются люди в ночных клубах? – удивился Турецкий.
- Видимо, нет.
- Развлекаются, – пожал плечами Турецкий, – получают удовольствие от жизни.
- Александр Борисович! – взвыл Гордеев. – Хочу напомнить, что я – ваш адвокат, а не следователь.

- Помню.
- Так почему же все приходится клещами тянуть?!
- Ну ладно, ладно, не ной, – снизошел Турецкий. – У меня там была деловая встреча.
- Слава богу. – «Паркер» ожил в пальцах Гордеева. – С кем?
- Турецкий – ни дать ни взять опытный зэк – сцепив руки на колене, разглядывал потолок.
- Так с кем же?
- Увы, не могу сказать.

«Паркер» безжизненно повис.

- Начинается, – вздохнул Гордеев. – В смысле, продолжается.

Турецкий тоже вздохнул и закурил сигарету. После пары затяжек сказал:

- Я тебя понимаю, Юра, но я должен выполнять условия договора.
- А я бы на вашем месте, Александр Борисович, сейчас о другом беспокоился.
- Турецкий развел руками, и Гордеев понял, что решения своего он не изменит.

Не раз и не два, оказываясь в щекотливых ситуациях, приходилось Гордееву жалеть, что из прокуратуры он подался напрямик по другую сторону баррикад – в адвокатуру, даже нет, не то чтобы сожалеть, а скорее, заново, с позиции прожитого, переоценивать сделанный шаг. И вот сейчас был как раз такой момент: ему хотелось помотать головой и проснуться наконец, убедившись в том, что все происходящее – нелепый, дурной сон. Но каково же тогда Турецкому – его другу и в недалеком прошлом наставнику? Гордеев заставил себя собраться, он распустил слегка узел галстука, сделал глубокий вдох, задержал дыхание на пять секунд и сказал:

- Ладно. Это был ваш информатор?
- Пожалуй, можно так сказать.
- Сколько времени вы были в ночном клубе?
- Я лично – час двадцать – час тридцать.
- Сколько времени вы общались со своим человеком?
- Дай подумать. Я приехал приблизительно без четверти одиннадцать.

– Согласно показаниям охранников на автостоянке в двадцать два сорок три, – уточнил Гордеев.

– Ну вот, видишь... Значит, прождал его минут сорок. Потом еще минут двадцать мы общались. – Турецкий почесал затылок – И через полчаса я уехал.

– Сходится, – кивнул Гордеев. – По всем косвенным данным вы провели в «Распутине» около полутора часов.

– Ну вот, видишь, как все замечательно, – благодушно кивнул Турецкий.

– Ни черта не замечательно, что вы мне лапшу вешаете?! Вы вышли из «Распутина» вместе?

– Нет, он оставался.

– Плохо, черт возьми, плохо!

– Не понимаю. Почему?

– По всему! Где свидетели?!

– Ну свидетели-то, положим, есть. Наверняка кто-то видел, как я выходил, камеры сканируют при входе-выходе опять-таки.

Гордеев только махнул на него рукой. Турецкий, с его привычной логикой, мыслил как всегда, категориями атаки, а не обороны.

– А вот чего я не понимаю, Александр Борисович, так это почему вас пустили в клуб с оружием?

– Никто бы меня туда с оружием не пустил, я оставил пистолет в машине, в бардачке.

– Вот так свободно, запросто, в машине? – усомнился Гордеев.

– Машина была припаркована на охраняемой автостоянке, – напомнил Турецкий. – Черная служебная «Волга» с государственными номерами. Кто залезет?

– А потом вас нашли на другой стоянке, – в свою очередь напомнил Гордеев. – Все в той же черной служебной «Волге» с государственными номерами.

Турецкий скривился.

– Александр Борисович, сменим тему.

– С удовольствием. – Турецкий вытащил из пачки «Кэмел» сигарету и стал катать ее между пальцами.

– Вы знали что-нибудь об этом заведении, возле которого вас нашли?

– Ты имеешь в виду?..

– Супермаркет, а точнее, гипермаркет «Москарт».

– Впервые о таком узнал из газет, – после некоторой паузы сказал Турецкий. – Чем, кстати, гипермаркет отличается от супермаркета?

– Об этом у меня самые смутные представления, – признался Гордеев. – Размерами, надо полагать. Продолжим. И о том, что гипермаркет «Москарт» должен был открыться со дня на день, соответственно, тоже ничегошеньки не знали?

– Тоже не знал, – уже более уверенно сообщил Турецкий.

– А это не приводит вас ни к каким выводам?

– К каким же? – насмешливо поинтересовался Турецкий. – Что я пешка в чужой игре? Слишком просто, Юра. Все мы пешки, начиная с президента. В нашем отечестве других фигур уже много лет не водилось.

– Я понимаю, – кивнул Гордеев. – Значит, то, что вас отвезли на Ярославское шоссе, – это всего лишь случайность? Но между «Распутиным» и Ярославкой – немалое расстояние. Зачем вас туда отвезли? Какого черта? Просто подальше?

– Экспертизу в салоне моей машины провели? – перебил Турецкий.

– Да, к сожалению, никаких следов посторонних лиц, только ваши и этой девушки...

– Давай вернемся к ней, – перебил Турецкий.

Такое ощущение, подумал Гордеев, что главный тут не я – адвокат, а он – следователь. Да, собственно, он и есть следователь. Только на нарах.

– Что ты о ней узнал? – наседал Турецкий.

Гордеев полистал блокнот:

– Никифорова Анна Васильевна, 1980 года рождения. Уроженка города Николаева, приехала с Украины несколько лет назад. Профессиональная танцовщица. Работала в различных ночных заведениях, последние полгода – в «Распутине». Никакого криминала, ни наркотиков, ни проституции, девочка чистая как слеза. Жалко.

– А проститутку было бы не жалко?

Гордеев подумал и сказал:

– Тоже жалко.

– То-то же. Как она туда попала, выяснил?

– Обычно попала, пришла на кастинг, когда им понадобились новые танцовщицы. Александр Борисович, вы ее совсем не помните?

– Я ее помню, – после паузы сказал Турецкий.

– То есть как?! – поразился Гордеев. – Я так понял, что это чистейшей воды подстава, но как же в таком случае...

– Подстава и есть. Но – виртуозная. Точнее – изящная.

– Почему же это – изящная? – спросил несколько задетый за живое Гордеев. Он-то ведь уже классифицировал эту невеселую историю именно как подставу, грамотную и качественно сработанную, но и только. Значит, он, адвокат, чего-то здесь не понимает, не учитывает?

Турецкий снова закурил сигарету и стал пускать дым колечками, но взгляд у него был напряженный, словно он находился в суде под присягой и обдумывал ответ, который мог стоить ему... стоить чего?

Гордеев терпеливо ждал, он знал, что, повторяя вопрос, не получит большего: Турецкий решал какую-то свою внутреннюю дилемму, и ничто не могло изменить его внутреннего течения времени. Наконец Александр Борисович соизволил открыть рот:

– Потому что эту девчонку клеил человек, с которым я там встречался.

– Как?! Эту самую стриптизершу, которую нашли в вашей машине?! Застреленной из вашего пистолета?! – Гордеев даже вспотел.

– Ну да.

– Ах вот оно что... Тогда действительно лихо, – не мог не оценить адвокат. – Александр Борисович, ведь следствие ведет ФСБ, так? – Гордеев достал из нагрудного кармана пиджака ослепительной чистоты платок и вытер лоб.

– Ну, – вопросительно глянул на него Турецкий.

– А... – Адвокат встал и прошел по тесной комнатке.

– Не томи.

– Я вот что подумал. Это ведь серьезные ребята, когда им что-то нужно, они всю душу вынут, но свое получают.

– К чему ты клонишь?

– Камеры слежения. В таком заведении, как «Распутин», их наверняка должно быть до черта.

– Ты меня за фрэера, что ли, держишь? – удивился Турецкий. – В клуб мы приехали порознь, а общались в мертвой зоне, куда камеры не достают.

– Александр Борисович, – вздохнул Гордеев. – Какой-то вы сильно ершистый. Я пытаюсь нащупать нишу, в которой мы с вами можем занять устойчивую оборону, а вы мне ни черта не помогаете.

– Ничего, – сказал Турецкий. – Время все выправит.

– В каком смысле?

– В том, что все гады повылазят из своих щелей, как только их там солнышко пригреет. Или им так покажется.

– Какие гады? Что вы все загадками говорите? – разозлился Гордеев. – Те, которые вас подставили? Кого вы в последнее время раскручивали?

– Юрка, ты хочешь, чтобы я перечислил все дела, которые у меня были на тот момент в производстве? Их штук пятнадцать. Да и потом, я не имею права с тобой о них говорить.

– Но разве интуиция вам ничего не подсказывает?

– Интуиция – это у обманутых жен, – веско сказал Турецкий. – А у следователя – логика.

– А у адвоката? – поинтересовался Гордеев.

– А у адвоката – икроножные мышцы.

– Намек понял, – вздохнул Гордеев и поднялся. – И все-таки, Александр Борисович, если бы вы хоть как-то намекнули насчет человека, с которым встречались... Ведь, по вашим словам, он клеил эту стриптизершу... С ним тоже что-то могло случиться. Надо проверить. А как я проверю, если не знаю, о ком идет речь?!

– Не волнуйся, – сказал Турецкий. – Он жив и здоров, я это знаю наверняка. А ты... поговори с Меркуловым. Знаешь такого? Заместитель генерального прокурора. Если будешь достаточно вежлив, он тебя примет, он ценит хорошее воспитание.

– Так говорил же уже!

– Еще поговори, – настаивал Турецкий.

– Хорошенький подзащитный мне достался, – окончательно разозлился Гордеев. – Вместо того чтобы помочь доступной ему информацией, советы бессмысленные дает!

– Давай мы так распределим наши роли, – рассердился в свою очередь и Турецкий. – Ты не будешь тут разыгрывать Перри Мейсона, а займешься тем, чтобы меня выпустили на волю. А насчет подставы я пока подумаю, воспользовавшись одиночеством.

В машине адвокат машинально развернул газету, которую зачем-то сунул ему Турецкий.

«Ученые свели воедино данные 46 исследований и на их основании сделали вывод о взаимосвязи поведения и определенных генов, сфокусировавшись на ключевых генах, которые контролируют трансмиттеры – химические передатчики импульсов между нервными клетками головного мозга.

Ученые выявили, что 5HTT-LPR, один из типов гена-транспортировщика серотонина, влияет на повышенную тревожность человека. Для людей, у которых присутствует этот вариант гена, социальные контакты сопряжены со стрессами, и поэтому они ищут спасения в алкоголе, табаке и наркотиках.

«Наше исследование позволяет предположить, что в основе некоторых качеств личности лежит генетическая структура, а эти качества играют важную роль в том, появятся ли у человека вредные привычки, такие как курение, и сможет ли он от них отказаться», – отмечает д-р Элбоу, который возглавлял исследование...»

– Чушь какая-то. – Гордеев со злостью смял газету.

Вечером 20 апреля, то есть за два дня до того, как Гордеев навестил его в следственном изоляторе Лефортово, Турецкий отправился в ночной клуб «Распутин». Нельзя сказать, чтобы для старшего следователя Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры это было обычным времяпрепровождением, хотя, с другой стороны, и нельзя сказать, чтобы подобного рода заведения были ему уж очень в новинку. Всякое бывало. Турецкий приехал в «Распутин» около одиннадцати часов вечера, провел там часа полтора и больше ничего не помнил.

Утром следующего дня, примерно в семь тридцать пять его обнаружили на Ярославском шоссе в собственной машине, точнее, в служебной «Волге», в той самой, на которой он при-

езжал в «Распутин». Теперь машина была припаркована на стоянке гипермаркета «Москарт», торжественное открытие которого было намечено на этот же день.

Турецкий был мертвецки пьян, но это были мелочи. На заднем сиденье машины лежал труп молодой девушки. При этом в пистолете Александра Борисовича не хватало одного патрона. Мертвая девушка оказалась стриптизершей из «Распутина». Как позже определила баллистическая экспертиза, именно недостающая пуля из «макарова» Турецкого застряла в ее печени.

Сказать, что это был скандал, значит, не сказать ничего. Все случилось крайне неудачно, если подобное слово вообще уместно в таких обстоятельствах. Первым, кто обнаружил Турецкого, по злосчастному стечению обстоятельств, был репортер желтой газеты, не самой желтой, но зато из тех, что бесплатно раздают возле метро. Он догадался вызвать милицию, но не удержался от того, чтобы еще до ее приезда не сделать пару снимков и продать их в тот же день в издания рангом покрупнее. И началось. На всех телеканалах новость о том, что знаменитый следователь Генпрокуратуры был найден пьяным (вариант: обколотым) в компании с убитой им стриптизершей (вариант: проституткой), оказалась не самой последней. Остальные СМИ тоже не безмолвствовали. В парламенте потребовали немедленной отставки генерального прокурора, сотрудники которого позволяют себе подобные бесчинства.

В полдень на Большую Дмитровку для беседы с генеральным и его заместителем по следствию пожаловал глава президентской администрации. А Турецкого, едва он пришел в себя, заключили под стражу, отвезли в СИЗО Лефортово и посадили в одиночную камеру. Но на вторые сутки заключения, часов в пять утра, его разбудили охранники, вывели длинными коридорами, посадили в джип с занавешенными окнами и куда-то повезли. На вопросы, куда и зачем, никто не отвечал. Дорога заняла меньше часа. Турецкий часто смотрел плохие боевики, и мысли у него были самые нехорошие. Однако, когда он увидел, куда его привезли, он вообще растерялся, хотя позднее никому в этом не признавался. В этом кабинете, где он сейчас стоял и затравленно озирался, ему приходилось бывать пару раз, потому что жизнь сложилась так, что он был знаком с его хозяином. Этот человек вершит судьбы ста пятидесяти миллионов своих сограждан, подумал Турецкий, что-то ждет меня?

Дверь бесшумно раскрылась, и пружинящей походкой вошел невысокий светловолосый человек. Турецкий лишь тяжело вздохнул и потер виски – точно так же, как спустя несколько дней это делал Гордеев. Президент, а это был, разумеется, он, сказал:

– Я распорядился доставить вам сигареты, Александр Борисович.

Турецкий молча поблагодарил. Они ведь были неплохо знакомы с некоторых времен, и Турецкому даже случилось оказать личную услугу главе государства¹.

– Как же такое могло случиться?

– Не знаю, – глухо сказал Турецкий. – Я этого не делал.

– Вот! – обрадовался президент. – Это то, на что я рассчитывал, Александр Борисович. Вы меня успокоили, прямо камень с души.

«Будто бы», – подумал Турецкий.

– А что же теперь будет с делами, которые вы расследовали? Вы догадываетесь, какое из них меня в первую очередь волнует? Особенно на фоне недавних переговоров и консультаций с англичанами! Это ужасное убийство в клубе «Березка» вызвало такой резонанс, хорошо еще, что официально все выглядело как несчастный случай... Ну да, я понимаю, – перебил президент сам себя, – сейчас это все – риторические вопросы. И еще кое-что хотел вам сказать, Александр Борисович. Вас ведь еще не вызывали к следователю?

– Нет.

¹ См. роман Ф. Незнанского «Поражающий агент» (М., 2002).

– Правильно. И не должны были до нашего разговора. Так вот, поскольку оказался скомпрометированным крупный чин Генеральной прокуратуры, расследование будет проводить ФСБ.

«Что и требовалось доказать», – подумал Турецкий и пожал плечами.

– Надеюсь, вы не сомневаетесь в их объективности?

– Ни на секунду.

– Прекрасно. Вам пришлют лучших адвокатов.

Турецкий задумался и после небольшой паузы сказал:

– У меня есть толковый юрист. – Именно тогда он вспомнил о Гордееве.

Теперь уже президент пожал широкими плечами.

– Ну как знаете, вам видней. Ваш шеф Меркулов заверил меня через руководителя администрации, что мы все можем рассчитывать на вашу откровенность и... сотрудничество.

Турецкий несколько рассеянно кивнул.

– Я распоряжусь, чтобы вам разрешили увидеться с женой, – сказал президент вставая.

– Ни в коем случае, – испугался Турецкий. – То есть я хотел сказать, не нужно никаких привилегий.

– Это хорошо, – оценил президент, – очень хорошо. Прессе понравится.

Итак, подумал Турецкий, они рассчитывают на мою откровенность и... сотрудничество. Сотрудничество, блин! И то и другое предполагает, что мне есть что скрывать. Не шибко-то он мне поверил, что бы там ни говорил... А с другой стороны, кто бы поверил? Ну Славка Грязнов поверил, без вопросов – Костя Меркулов... Разве недостаточно, чтобы докопаться до правды? А как докопаешься, не оказавшись на свободе? Выходит, действительно нужен хороший крючоктор, который найдет, за что зацепиться. Интересно, чем там сейчас Юрка Гордеев занимается?

Турецкий поймал себя на том, что рука сделала невольное движение к карману пиджака, туда, где обычно лежит один из трех мобильных (№ 1 – для Грязнова, Меркулова и ребят из «Глории», № 2 – для Ирины и № 3 – для остального человечества). Но мобильных не было. Ничего из привычных ему предметов под рукой больше не было.

Выехав из Лефортова, Гордеев сделал малоутешительные для себя выводы. Во-первых, кажется, на помощь самого Турецкого рассчитывать не приходится. Существует что-то, а точнее, кто-то, кого он не хочет светить ни при каких обстоятельствах. А этот кто-то, не исключено, мог бы стать неплохим свидетелем в пользу Александра Борисовича. А во-вторых, помощь Меркулова и Грязнова, вероятно, в самое ближайшее время понадобится не только для распития алкогольных напитков.

И Гордеев направился напрямик на Петровку.

Сорок минут спустя он сидел в кабинете начальника МУРа, который, узнав, кто и по какому поводу приехал, немедленно отложил в сторону все прочие дела.

– Что скажете, Вячеслав Иванович?

– Авраам родил Исаака, – сообщил Вячеслав Иванович. – Исаак родил Иакова. А потом там какая-то фигня случилась – и рожать стали женщины. Это анекдот, – пояснил начальник МУРа.

– Я понял, – кивнул Гордеев. Ему было не до шуток, и он принялся пересказывать Грязнову последние новости.

– Так я не совсем понимаю, что от меня-то требуется? – сказал Вячеслав Иванович, присев на краешек своего широченного стола. – Экспертиза проведена, верно? Пистолет – Турецкого, пуля выпущена из него, тут не придерешься. И главное – сам Сашка ничего существенного не отрицает.

– Еще как отрицает, – заметил Гордеев. – Александр Борисович говорит, что, когда выходил из «Распутина», был совершенно трезв.

– Хм, – сказал Грязнов. – «Совершенно трезв» в его понимании вполне может означать как минимум грамм двести. Помню, однажды мы с ним...

– Тут не до шуток, – напомнил адвокат.

– Вообще-то да, конечно, извини, Юрий Петрович. Ну и что дальше?

– А вот что. Турецкий вышел из «Распутина» в начале первого ночи. А обнаружили его вместе с трупом на Ярославке только утром.

– Вот я ж и говорю, – с жаром перебил Грязнов, – если б речь шла не о Турецком, если б я ему не верил как самому себе, то вполне уместно было бы предположить, что за это время он мог основательно набраться.

– Стоп-стоп! Турецкий утверждает, что встречался в ночном клубе с информатором, причем вели они себя так, что камеры слежения их засечь не могли. Насколько это реально, Вячеслав Иванович?

Начальник МУРа задумчиво поскреб подбородок. Посмотрел в окно и протянул:

– Не уверен.

– Вот и я не уверен. Более того, камеры ведь наверняка установлены...

Грязнов треснул кулаком об стол:

– На автостоянке клуба, черт побери!

– Вот именно. Вячеслав Иванович, кому, как не вашей службе, этим заняться а?

– Да я из них всю душу за Сашку Турецкого вытрясу! – воинственно пообещал Грязнов. – Только ведь этим делом уже фээсбэшники занимаются, да? – Он закусил губу. – Они уже наверняка все себе забрали оттуда. Вот что! Тут нужен деликатный подход. Знаешь что, Юра? Я Дениса попрошу. Пусть он попробует неофициально что-нибудь нарыть.

– Вот это дело, – обрадовался Гордеев. – Я и сам хотел как-нибудь «Глорию» подключить.

Сказано – сделано. Вячеслав Иванович немедленно позвонил племяннику, и полчаса спустя Денис Грязнов собственной персоной присоединился к «заговорщикам», благо его офис находился совсем недалеко – на Неглинной. Долго объяснять ему, что к чему, не пришлось, естественно, он был в курсе последних печальных событий и сам жаждал чем-нибудь помочь Турецкому. Высокий, худощавый, рыжеволосый, сыщик от бога, он был одновременно и похож и не похож на своего дядю.

Пока ждали Дениса, Грязнов-старший распорядился насчет кофе, и это было весьма кстати, Гордеев явственно чувствовал необходимость как-то поддержать силы.

Постучали в дверь, но это оказался не Денис. В кабинет вошел крепкий сорокалетний мужчина, протянул Вячеславу Ивановичу какие-то бумаги на подпись. Тот с видимым сожалением в них расписался и сказал:

– Если что-то будет нужно, Антон, не стесняйся обратиться.

– Спасибо, – сдержанно ответил тот и ушел.

– Лучшие кадры теряем, – прокомментировал начальник МУРа. – Не знаком? Антон Хомяк, старший оперуполномоченный отдела по борьбе с незаконным оборотом оружия, и вот – вынуждены с ним распрощаться.

– Зарплата не устраивает? – понимающе кивнул Гордеев.

– Если бы! Он бы и за меньшие деньги, я уверен, работал, но... Влип мужик в дурацкую историю. И вот, написал заявление «по собственному...», чтобы нас не подводить. Он ведь сейчас под судом.

– А что случилось? Может, нужна помощь? Так пусть обращается в нашу юрконсультацию, – предложил Гордеев.

– Вот это дело, – обрадовался Вячеслав Иванович и сделал пометку в настольном календаре. – Надо помочь. Хомяк вообще-то не так давно у нас, лет пять, кажется... Он с перифе-

рии, с Кубани. Сашка Турецкий, кстати, его знает. Первый год мы использовали то, что Хомяк тут не засвечен. Сперва он работал под прикрытием: внедрялся в бандитские группы, которые продажей оружия занимались. Помню, я хохотал над отчетами: «В помещение вошли Хомяк, с ним еще двое...»

– А сейчас-то что случилось?

– Да ерунда какая-то, – вдруг разозлился Грязнов-старший. – Просто на ровном месте. Сидит Хомяк у себя дома на кухне, чинно-благородно завтракает, никого не трогает. Кого трогать-то? Он даже не женат. Вдруг слышит крики: «Помогите! На помощь! Насилуют!» Крики явно проистекают из-за стены, где молодая пара живет. Хомяк бежит на площадку и начинает им стучать – все бесполезно. А крики, заметь, Юра, продолжают. Хомяк начинает взламывать дверь, она не железная, но очень прочная, поддается далеко не сразу. Крики не прекращаются, с площадки они еще лучше слышны, и они прямо-таки истошные, аж мороз по коже, как уверял потом Хомяк. Тут он, правда, слышит еще и другие крики: «Убивают! Грабят!» Ему бы сообразить, что все это как-то не очень сочетается, но поздно – дверь взломана, и Хомяк с пистолетом в руке врывается в квартиру и бьет рукояткой в лоб выскочившего ему навстречу мужика. Тот – в отрубе. В общем, картина маслом: оказалось, Хомяк врезал хозяйину, а хозяйка вообще жива и здорова, никто ее не грабил, не насиловал, не убивал. Просто таким вот способом молодые супруги, программисты, между прочим, записывали позывные для противоугонной сигнализации автомобиля. Представляешь?!

Гордеев захохотал.

– Да... И смех и грех. Девушка самозабвенно выкрикивала всю эту чушь в микрофон, а ее молодой супруг сидел за компьютером и жал на клавиши. В результате процесс из-за Хомяка нашего оказался запорот, у программиста – сотрясение мозга, дверь высажена. Короче, в суд на него подали: незаконное проникновение в жилище, нанесение телесных повреждений, требуют теперь компенсацию большую, а мы – хорошего сотрудника потеряли... – Начальник МУРа прошелся по кабинету. – Ну ладно, забудем. Между нами девочками, а что Турецкий сам-то говорит? Что называется, без протокола?

– Да в том-то и дело, что он ничего толком не говорит! Похоже, он надеется сам во всем разобраться, а мою роль таким образом сводит к вызволению себя, любимого, из камеры.

– А разве это не так?

– Как будто я спорю! Но чтобы оперативно вытащить человека из следственного изолятора, надо же иметь какие-то основания! Скажем, неправильно проведенные процедуры при его задержании...

– А они были? – обрадовался Вячеслав Иванович.

– В том-то и дело, что нет...

– А может, тебе подать ходатайство о проведении медицинского обследования? – высказался как раз вошедший в кабинет Денис Грязнов. – Мол, так как состояние здоровья Турецкого вызывает серьезные опасения, то – тыры-пыры, лучше его выпустить, а?

– Не смейся людей, Денис, – с раздражением отреагировал Гордеев. – Он же здоров как лошадь.

– Его с проституткой нашли, – добавил Грязнов-старший. – «По состоянию здоровья» не проканает.

– Со стриптизершей, а не с проституткой, – поправил педантичный адвокат.

– Не важно...

Честно говоря, при виде Дениса Гордеев испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Разумеется, вслух бы он в этом никогда не признался, но отчего-то тридцатичетырехлетний Денис в глазах адвоката выглядел даже несколько основательней, чем его бесшабашный дядя-генерал. Денис всегда был полон неожиданных идей и решений, в чем Гордеев имел возможность немедленно убедиться.

- Ладно, Юра, какие еще есть варианты? – спросил Вячеслав Иванович. Гордеев вздохнул и с видом зубрилы-отличника пробубнил:
- Альтернативой аресту в качестве меры пресечения существующий кодекс предусматривает следующее: подписка о невыезде, денежный залог, поручительство частных лиц и организаций.
- Все?
- Все. Как будто сами не знаете! Ну еще малолетних могут взять на поруки родители.
- Вот, а говоришь все, – засмеялся Грязнов-старший. – Но, конечно, господин адвокат, пока вы не встретитесь со следователем, о подписке или залоге и говорить не приходится.
- Даже когда я с ним встречусь, – возразил Гордеев, – надо иметь какие-то основания, чтобы настаивать на подписке, денежном залоге или поручительстве.
- Кстати, поручительство может Меркулов дать!
- Не может. Он его непосредственный начальник. Тут нужен человек из другого ведомства.
- Из МВД подойдет? – грозно спросил начальник МУРа.
- Это смотря в какой должности и звании.
- А хоть в моей должности и в моем звании!
- Вячеслав Иванович, не смешите людей! Да про вашу с Турецким закадычную дружбу вся Москва знает и еще пол-области в придачу!
- Ну насчет области это ты загнул, – пробормотал польщенный начальник МУРа.
- А я знаю, как к ним подобраться, – без обиняков заявил молчавший до сих пор Денис. – Как клонуть их в печень. Как схватить за хвост. Как ущипнуть за яйца. Как...
- Ну так как же?
- Я уже имел с ними дело. Дядя Слава, помнишь футбольную историю, как Комаров из «Буревестника» в западный клуб сбежал?²
- Еще бы, – кивнул начальник МУРа.
- Так вот, у него в «Распутине» в прошлом году шумная история вышла.
- Он ведь, кажется, в автокатастрофу попал, – вставил Гордеев. – Или я ошибаюсь?
- Не ошибаешься, Юра, но это уже потом вышло, в Италии. А еще до всех скандалов Комаров как-то развлекался в упомянутом клубе и запал на стриптизершу, которой с хохотом засунул сами понимаете куда все имеющиеся банкноты. А когда у Комарова закончились деньги, он заменил их салфетками. Все это очень не понравилось отдыхающим по соседству боевикам серьезной московской группировки, а еще больше ситуацию усугубило то, что стриптизерша была любовницей одного из них. Комарову дали понять, что, если он хочет проснуться следующим утром, ему нужно немедленно уносить ноги. Но Комарова это не остановило...
- Слушай, зачем ты все это рассказываешь? – возмутился дядя.
- Терпение. Комаров не так давно вернулся с молодежного чемпионата мира, где забил десять великолепных голов и был признан лучшим футболистом. По-видимому, находясь в состоянии все усиливающегося подпития, он не понимал, как это вообще кто-то в чем-то может ему отказать. Короче, Комаров был в ударе в тот вечер, и чихать он хотел на каких-то бандитов. Конфликт дошел до такой стадии, что охранники заведения попросили удалиться всех причастных к конфликту. Бандитов и Комарова вывели через разные выходы, дабы не усугублять стычку, хотя, конечно, его бы это вряд ли спасло, потому что все зашло слишком далеко. Но далее произошла чудесная метаморфоза. Добравшись до своей машины (скромная подержанная «трешка» «БМВ», как гласила народная молва, она же – самая последняя навороченная «семерка» той же марки), Комаров снова встретил все тех же бандитов, которые... упав перед

² См. роман Ф. Незнанского «Штрафной удар» (М., 2003).

ним на колени, попросили простить их, темных и отсталых, не опознавших в хмельном угаре народного кумира!

– Чушь какая-то, – высказался Гордеев. – Ни за что не поверю.

– Вовсе не чушь! – возразил Денис. – Оказалось, что свидетелем инцидента стал вор в законе по кличке...

– Кролик, – мрачно сказал Грязнов-старший, припомнивший таки эту историю.

– Точно! – Денис поднял вверх указательный палец. – Авторитет Кролика для боевиков был столь внушителен, что послушаться его они не могли. Кролик, старый болельщик, и от игры Комарова он был без ума, перед его футбольным искусством меркло значение любой разборки, ведь, в конце концов, как сказано у Екклезиаста: все тщета и ловля ветра. А футбол вечен. Возможно, боевики и чихать хотели, как на футбол вообще, так и на отдельных его представителей в частности, но перед Кроликом они трепетали. Кролик – это фигура, одного его чиха было достаточно, чтобы решить судьбу любого из них. Так что особо ребята не рефлексировали, когда получили его вельможный указ немедленно извиниться перед зарвавшимся фразером. Вот, в общем-то, и все, – резюмировал Денис, весьма довольный собой.

Возникла неловкая пауза.

– Ты что, издеваешься? – тихо спросил Гордеев.

– С чего ты взял? – добродушно осведомился частный сыщик.

– На кой черт нам вся эта ахинея?! – зарычал Гордеев. – Там Турецкий в гестаповских застенках гибнет!

– Так уж и в гестаповских...

Грязнов-старший почему-то молчал, глядя себе под ноги.

«Интуиция – это у обманутых жен», – вспомнил отчего-то Гордеев недавнюю сентенцию Турецкого. А у меня, интересно, что?

– Это не ахинея, Юра, – ласково объяснил Денис. – Это весьма полезные сведения, учитывая, что описываемые события я видел своими глазами.

– Как это? – открыл наконец рот Вячеслав Иванович. – А почему я об этом ничего не знаю?

Денис пожал плечами:

– Тайна сия великая есть, почему ты не знаешь, дорогой дядя, может, потому, что, как говорил наш великий соотечественник, мы вообще ленивы и нелюбопытны.

– Ты не хами, племяш! И кто этот «великий соотечественник»? Гибнущий в застенках Турецкий?

– Это Пушкин, – с жалостью сказал Денис. И добавил: – Я, конечно, при трогательной сцене вымаливания прощения у народного кумира не присутствовал и даже не слышал, что там говорилось, но видеть – имел удовольствие. По счастливому стечению обстоятельств, у меня в охране «Распутина» кореш работает. Я ему когда-то пару мелких услуг оказал, но он почему-то считает, что обязан мне по гроб жизни.

– Хочешь профессиональный совет? – сказал Вячеслав Иванович. – Ты его не разубеждай.

– Пока что я так и делаю.

– Так это что же выходит, – сказал Гордеев, – значит, у нас есть доступ к видеосъемке вокруг «Распутина»!

– Допер наконец, – вздохнул Денис. – Поехали, что ли, на Зубовский бульвар? В логово разврата, в смысле шоу-бизнеса?

На Зубовский бульвар поехали не сразу, сперва пообедали. Грязнов-старший остался на Петровке, так что Гордеев с Денисом, каждый на своем «форде» (адвокат – на более заурядном, частный детектив – на широко известном в узких кругах джипе «маверик» по прозвищу

Бродяга) отправились на Комсомольский проспект, откуда уже до «Распутина» было рукой подать. Там они посетили недорогой и замечательно вкусный (по-другому и не скажешь, как справедливо заметил Гордеев) ресторан «Крымский». Забавно, но в ресторане «Крымский» была китайская кухня. А главной достопримечательностью тут были, пожалуй, подсвечники: метра три с половиной в длину, мощные, витые и позолоченные, они освещали диваны с бархатными спинками.

Из полумрака к гостям выплыл официант с внешностью английского дворецкого. Денис взял свинину с вишневым соусом и салат из пророщенных бобов сои, Гордеев отделался «весенними трубочками» – солидным блюдом тающих во рту рулетиков из грибов, свинины и овощей. На двоих взяли еще чайник «Черного дракона», после чего Денис нежнейшим голосом порекомендовал официанту их больше не тревожить, и того как ветром сдуло. Похоже, Денис тут был свой человек.

Обсудили диспозицию. Гордеев поделился сомнениями. Откровенно говоря, на настоящий момент он не видел объективных оснований для вызволения Турецкого из «застенков». Чтобы таковые имелись, нужно было, как минимум, получить неопровержимые доказательства насильственного вливания в Турецкого колоссальной дозы алкоголя. А как их получишь? Разве что сие действо было заснято на видео (сомнительно), и эта кассета чудесным образом попадет в руки адвоката (сомнительно втройне).

– Да уж, проблемка. – Денис почесал затылок.

– Ну ладно, пусть даже он сам напился. Тоже мне криминал – нетрезвый за рулем.

– Не нетрезвый, а вусмерть пьяный, – поправил Денис.

– Да помню я, не в этом даже дело! Главное доказать, что он девчонку не убивал! А как? И главное, понимаешь, – жаловался Гордеев, – он же уперся как баран и ни в какую не говорит, с кем он там встречался.

– Женщина? – предположил Денис. – Не хочет компрометировать?

– Вряд ли. Дал понять, что это информатор по какому-то важному делу.

– Логично ли будет предположить, – высказался Денис, – что из-за этого дела, по которому имелся информатор, на всем нам родного и близкого Сан Борисыча так жестко и наехали?

– Вполне. Однако имей в виду, Турецкий сказал, что у него в одновременном расследовании целая куча дел, одно другого страшнее, так что выбор велик. Кроме того, он сказал, что его спутник проявлял интерес к этой самой стриптизерше, Анне Никифоровой. Так что вряд ли была женщина.

– Это здорово облегчает дело, – радостным тоном заявил Денис. – Круг поиска сужается в два раза!

– Не ерничай. Слушай, Денис... – Гордеев вдруг напрягся. – А если этот самый тип, с которым он встречался, его и подставил? Этот долбаный информатор, а?

– Гадать можно сколько угодно. Вот посмотрим пленку...

Денис сделал едва заметное движение рукой, и из воздуха материализовался официант.

– Тащи десерт, – хмуро распорядился сыщик, и официант снова исчез, чтобы через три минуты появиться с горой яблочных кубиков под золотой вуалью карамели.

Гордеев вспомнил, что Денис по части выпивки – не очень, зато как раз большой сластена. Несколько минут они молча наслаждались скромными шедеврами местной кулинарии. Затем Денис вытащил телефон, позвонил своему приятелю из «Распутина» и сказал:

– Приедем через пять минут. – Приятель уже был предупрежден, что к нему имеется дело. Денис все еще держал трубку возле уха. – Ах вот как, – сказал он. – А ты сам можешь отлучиться? Тогда приезжай на Комсомольский проспект, дом один. «Крымский» ресторан знаешь? Жду. – Он дал отбой и пояснил Гордееву: – У них там ФСБ сразу на трех понтовых «ауди» понаехало, что-то вынюхивают. Нам лучше не соваться.

Гордеев согласно кивнул. В такого рода нюансах он всецело мог положиться на Дениса. С его закалкой частной детективной работы Денис прошел уже и воду, и медные трубы, а что касается огня, то, как минимум, одну «горячую точку» он также почтил своим присутствием. А вообще у Дениса бывали такие загадочные клиенты и такие запутанные дела, что Гордеев не слишком удивился бы, если б узнал, что Денис по служебной надобности и в космос летал. Впрочем, нет, это как раз у дражайшего Сан Борисыча Турецкого энное количество лет назад главный фигурант по одному запутанному дельцу был самый что ни на есть взыправдашний космонавт³. Да Юрий Петрович и сам был человек многоопытный, одна служба в Генпрокуратуре вместе с Турецким чего стоит, но все же то – дело прошлое, а нынешняя адвокатская работа уже прочно приучила его к иным нормам поведения, в основании которых лежали два слова: «легитимность» и «цивилизованность». Черт бы их побрал – и первое, и второе.

Пока ждали секьюрити из «Распутина», Денис пытался как-то Гордеева растормошить.

– Представь, Юрка, звоню утром себе в офис, так, проформы ради, чтобы узнать, кто раньше всех на работу является, кроме нашего компьютерного гения, конечно, тот с нее и вовсе не уходит. Никто трубку не берет минуты две. Я еще раз перезваниваю, снова – та же картина, наконец Макс удосуживается оторвать задницу от компьютера и подойти к телефону, ну мне этого достаточно, я уже понимаю, что никого до сих пор нет, но отчего-то дернул меня черт сказать гнусавым голосом: «Позовите Грязнова». Меня то есть. Ну и что ты думаешь? Он мне в ответ: «Тут таких нет».

Гордеев кисло улыбнулся.

– Это еще не все! Я ему говорю: «Как это нет, как это нет?! А какой у вас телефон?!» И он, скотина, совершенно спокойно отвечает: «Панасоник». И кладет трубку, вот засранец!

– У меня тоже «панасоник», – рассеянно сказал Гордеев.

Денис с сожалением посмотрел на приятеля.

Секьюрити из «Распутина» появился четверть часа спустя. Это был ничем не примечательный мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, с большими залысинами и ямочкой на подбородке. Смотрел он прямо и твердо, руки в карманах не держал. Гордееву понравился сразу.

– Знакомьтесь, – сказал Денис. – Федор, работает в службе безопасности «Распутина» начальником смены. Юрий – адвокат.

Федор внимательно посмотрел на адвоката и сказал:

– Ваша фамилия Гордеев?

– Да, – удивился Гордеев. – Разве мы знакомы?

– Не совсем. Вы однажды представляли в суде моего младшего брата, Виталия Аксентьева. Это было дело против местного РЭУ.

– Я помню, – отчего-то заулыбался Гордеев. – Он с балкона упал.

– Точно.

– Ну раз вы почти знакомы, тем лучше, – вернул их к действительности Денис. – Федя, расскажи нам, что вообще на белом свете происходит.

– Черт его разберет, – сказал Федор Аксентьев. – Понаехали фээсбэшники, чего-то в компьютерах ищут. Связано это с вашим делом или нет – я не знаю.

– А кто ими руководит, ты зафиксировал?

– Ну корочку-то он мне под нос сунул. Какой-то Игнатьев, Виктор Викторович. Майор.

– Это по нашу душу, – вздохнул Гордеев. – Игнатьев – майор из следственного аппарата ФСБ, он и ведет расследование по Турецкому. Мне, представь, Денис, до него достучаться до сих пор не удалось.

³ См. роман Ф. Незнанского «Картель правосудия» (М., 2002).

– Ладно, – сказал Денис, – потом об этом поговорим. – Ну-ка, друг Федя, ты ведь работал ночью, когда у вас культурно отдыхал следователь Генпрокуратуры Александр Борисович Турецкий?

– И рад бы сказать, что нет, – грустно улыбнулся Аксентьев, – но – грешен.

– Так вы его помните? – обрадовался Гордеев. – Турецкого?

– Нет, конечно. Вы вообще представляете себе, сколько у нас клиентов за ночь?! Кое-каких постоянных я знаю худо-бедно, но ведь он не из завсегдатаев, насколько я понял.

– Это откуда же вы сделали такой вывод? – наседал Гордеев. – И откуда вообще тогда узнали, что Турецкий у вас был?

– Так из газет же! Там чего только не узнаешь! А потом, фээсбэшники сегодня ведь не первый раз приезжали. Как вашего следователя с трупом в машине нашли и девчонку нашу идентифицировали – мигом к нам. Все пленки наружного и внутреннего наблюдения скопировали.

– Федя, ты же нам можешь их показать, верно? – включился Денис.

Гордеев не смог не оценить, как всего в нескольких словах частный сыщик отрезал секьюрити все пути к отступлению. Было в интонации Дениса нечто магическое, отчего те свидетели, с кем он проводил допросы, очные ставки или даже просто «дружеские беседы», неизменно отдавали ему все, что требовалось.

– Показать их я, конечно, покажу, – сказал секьюрити Федя, – да только это пустая трата времени. Там ничего нет. И из клуба он выходил один. Никифоровой с ним не было. Возможно, она потом к нему присоединилась, когда он со стоянки отъехал. Вполне может быть, она сама не хотела светиться – ну чтобы на работе знали, я имею в виду...

– А что, это у вас в порядке вещей, – поинтересовался Денис, – что стриптизерша вместе с посетителем уезжает?

Федор пожал плечами:

– А кого колышет, что она в свое свободное время делает, когда работа закончена? Но при этом, мужики, я повторяю, нет ни единого кадра, где ваш Турецкий был бы не один.

– Как это нет, – не поверил Денис, – да быть такого не может! Сколько у тебя камер?

– Всех вместе, и внутри и снаружи, – около пятидесяти.

– Сколько?! Ты шутишь, что ли?

– Если точно, сорок восемь, – невозмутимо сообщил Федор.

Денис и Гордеев посмотрели друг на друга.

– Я не верю, – сказал Гордеев.

– Я тоже, – подтвердил Денис.

– Даю слово.

– А... на хрена столько?

– Ради таких вот криминальных случаев. Наш клуб – это же не один танцзал, там много всяких помещений, и все их нужно отслеживать.

– А также, – добавил Гордеев, – отслеживать отслеживающих.

– Ну... вроде того.

Но Денис все никак не мог успокоиться:

– И что же, ни одна из этих полусотни камер не зафиксировала Турецкого?! Ты что, дорогой, нам тут втираешь?

Федор примирительно выставил перед собой ладони:

– Денис, не шуми. Турецкий ваш на пленках есть. При входе, например, в заведение – через металлоискатель. В туалете. У бара. Но и только. И все время – в гордом одиночестве.

– Ну и ну, – пробормотал Денис. – Эй, любезный, чаю нам принесите еще!

– Думаю, фээсбэшники то же самое сказали, – вставил Гордеев, вспомнив, как Турецкий в Лефортове ему говорил, что беседовал со своим информатором в мертвой зоне.

– Что они сказали? – не понял Денис.

– Они сказали: «Ну и ну».

– Слушай, умник, чем мысли фээсбешников читать, ты, может, подумаешь лучше, как своего подопечного из тюрьмы вытащить?!

– Я только об этом и думаю, – вспыхнул Гордеев.

– Мужики, – несколько смущенно сказал секьюрити, – я, с вашего позволения, поел бы чего-нибудь, а то с утра...

– Да, Федька, извини, конечно! – спохватился Денис, мгновенно остывая. – Кстати, Юрец, а сколько Турецкий времени пробыл в клубе?

– По его словам, полтора часа...

Пока Денис с Федором обсуждали варианты «продолжения банкета», Гордеев обдумывал сложившуюся ситуацию. Что-то тут было не так. Либо Турецкому с его информатором чудовищно повезло, что они не попали в кадр, либо... Либо что?

– Федор, – сказал Гордеев спустя некоторое время, – а есть у вас мертвые зоны?

– То есть? – Секьюрити уплетал уже филе судака.

– Такие места, где Турецкий мог беседовать со своим человеком, не будучи засвеченным? – Гордеев помнил, что Турецкий сам называл это «мертвой зоной». – Может быть, туалеты?

– Туалеты – нет, там тоже установлены камеры...

– Никогда не пойду в «Распутин», – немедленно вставил Денис. – У вас же даже отлить без посторонних глаз нельзя!

– Но есть отдельные кабинеты, в которых съемка не ведется, – продолжил Федор.

– Ага, – сказал Гордеев.

– Но опять-таки, повторяю, ваш следователь ими не пользовался. Вообще-то именно после нескольких громких историй наш «Распутин» буквально напшиговали видеокамерами, уж поверьте на слово, это моя работа как-никак.

– Федор, – сказал Гордеев, – ну а если бы вы сами с кем-нибудь встречались в «Распутине», вы смогли бы обойти камеры, стать для них невидимым?

– Не-а. – Секьюрити с удовольствием сделал большой глоток минеральной воды. – Разве только я бы камеры вообще отключил. Но это невозможно сделать незаметно и безнаказанно.

– Вот! – воскликнул Гордеев. – К этому я и веду! Они же когда-то выключаются, камеры-то! Кассеты заканчиваются, их нужно менять. А это происходит одновременно?

– Разумеется...

– Камер всего, вы сказали, около пятидесяти, внутри клуба сколько? Порядка тридцати, сорока, так?

– Примерно...

– А операторов тоже тридцать или сорок?

Рука Федора, сжимающая вилку с лакомым кусочком филе, замерла в воздухе. Денис улыбнулся: он уже понял, куда клонит Гордеев.

– Значит, человек, который в курсе дела, когда меняется пленка и как ее меняют, может перемещаться по залу в эти самые «мертвые» для видеосъемки минуты?!

Федор все же положил кусочек рыбы в рот и тщательно его пережевывал, глядя себе в тарелку. Молчал не меньше минуты. Потом сказал:

– Да, но откуда вашему Турецкому знать эти минуты? А случайность такого рода невозможна.

– А Турецкий и не знал, – сказал Гордеев. – Знал второй человек – тот, с которым он встречался. И объяснение этому только одно: этот второй – ваш сотрудник.

– Вот же ж... – тихо сказал Федор. Он вытащил телефон и набрал комбинацию цифр, потом сказал в трубку не здороваясь: – Они уже уехали? Отсигналь мне, когда все закончится. – Федор поднял смущенный взгляд на Гордеева и Дениса: – Придется подождать, они еще там.

– Стоп-машина, – сказал Денис. – Ты сказал в самом начале, что фээсбэшники приехали и в компьютерах роются?

– Ну да...

– Они нас опередили, – грустно резюмировал Гордеев.

– Я не понимаю... – пробормотал Федор.

– Да что тут понимать! – возмутился Денис. – Они ищут информатора Турецкого среди твоих сотрудников. Совершенно очевидно, что они пришли к тем же выводам.

Гордеев вскочил на ноги.

– Поехали в «Распутин»! Я хоть попробую поговорить с Игнатьевым.

– Нет, ребята, – Федор выставил руки вперед, как бы загораживая им путь. – Вы же меня так подставите! Комитетчики сразу же усекут, что это я вас навел!

– Ну так езжай вперед, велика важность! – заявил Денис, и Федор немедленно воспользовался советом: схватил со стола салфетку и бросился к выходу. – И ни хрена ты нас не навел, тугодум несчастный, – крикнул ему вдогонку Денис.

Тот только махнул рукой: отстань, мол, не до того сейчас.

По дороге адвокат позвонил Грязнову-старшему:

– Вячеслав Иванович, это Гордеев. Есть кое-какой след, но, похоже, ФСБ нас опередило.

Начальник МУРа выругался так, что сотовая связь еле выдержала. Его любовь к органам госбезопасности была хорошо известна.

– Я немного лажанулся, надо было прежде вас попросить. Вы можете узнать, кто такой майор Игнатьев и на какой козе к нему подъезжать?

– Попробую, – буркнул начальник МУРа. – Сколько времени есть?

– Минут пятнадцать...

Грязнов-старший выругался вторично и отключился, а Гордеев выругал себя самого: ведь можно же было и гораздо раньше насчет Игнатьева справки навести, в самом деле.

Когда Гордеев уже парковался возле «Распутина» (зафиксировав, что три черных «ауди» с фээсбэшными номерами были по-прежнему здесь), Вячеслав Иванович наконец перезвонил.

– Значит, так. Все могло быть и хуже. Игнатьев Виктор Викторович, тридцать девять лет, толстый, активный, вдумчивый, короче – полный мудак на нашу голову.

– Ну спасибо, утешили, – поблагодарил Гордеев, глядя, как уже припарковавшийся Денис направляется к нему.

– Но это ничего. Главное, что он – подчиненный Иванчука. Знаешь Иванчука?

– Шахматист, кажется, такой есть, – неуверенно сказал Гордеев, понимая всю абсурдность этого тезиса: майор ФСБ Игнатьев – подчиненный международного гроссмейстера Иванчука. Высший класс работа, ничего не скажешь.

– Сам ты шахматист! Иванчук – это полковник такой в ФСБ, единственный приличный там человек, по крайней мере, мне других не встречалось. Как-то работали вместе... А что еще более ценно – он с Турецким вместе работал, на деле об авиакатастрофе⁴, слышал? Да не важно это все! Важно, что Иванчук – босс Игнатьева, счастливое совпадение. Но он сам сейчас в больнице, в ЦКБ, не знаю, что с ним случилось. Мне обещали, что ему передадут, что я звонил. Я с ним переговорю, и тогда, может, дело в другом режиме пойдет, не так жестко. Усек?

– Усек. А что с Игнатьевым, как мне себя вести?

– Нахами, – посоветовал начальник МУРа.

⁴ См. роман Ф. Незнанского «Поражающий агент» (М., 2002).

– То есть? – опешил Гордеев.
– Нахами и все. Это его выбьет из колеи до того момента, пока мы Иванчука не подключим. И знаешь что? Можешь ему даже по морде съездить.
– Вячеслав Иванович, вы в своем уме?!
– Делай что говорю, – рассердился генерал. – Дай толстяку в морду, от него не убудет.
– Я же лицензию потеряю! – взвыл Гордеев.
– Я тебя к себе на работу возьму, если что, – посулил Грязнов-старший. – Ты же следователем был когда-то, значит, и опером потянешь. Подучишься, конечно, немного...
– На сто долларов в месяц?!
– Ты Турецкого хочешь вытащить или нет, умник? Тогда слушайся старших.
...Когда Гордеев поднимался по ступенькам в «Распутин», в глаза ему бросилось объявление:

ПРОВОДИТСЯ ПОСТОЯННЫЙ НАБОР ТАНЦОВЩИЦ
Минимальная з/п \$2000

Бесплатные услуги:
– маникюр/педикюр
– терапия
– солярий
– визажист
Справки по телефону...

Едва они с Денисом вошли внутрь, предъявив свои корочки, их встретил пронзительный вопль:

– А сейчас пятьдесят ошеломляющих танцовщиц на ваших глазах снимут с себя новейшую коллекцию мужских костюмов «Патрик Хелман»! Вау!

Гордеев даже чуть присел, настолько это было неожиданно – в середине дня, едва войдя с сырого воздуха в полутемное помещение, услышать вот такое. А Денис захихикал и схватил его за локоть.

– Да не так, не так! – раздался рассерженный вопль. – Ты можешь тенором, тенором, я говорю, а не фальцетом?! Ты что, педик, что ли?!

– Я мороженого переел, простудился...

– А мне плевать! Не можешь тенором, выкатывайся к чертовой матери!

– Могу!

– Так давай!

– А сейчас пятьдесят ошеломляющих танцовщиц на ваших глазах...

– Тенором, твою мать!!!

– А сейчас пятьдесят...

Это была репетиция какого-то грядущего действия.

Кругом кипела работа. Почему-то переносились столики с места на место, шел монтаж новой сцены, иллюминации. Классические «люди в черном» – порядка десяти секьюрити – неподвижно стояли по периметру главного зала. Вот появился Федор, окинул происходящее придирчивым взглядом и скрылся в мужском туалете. Денис с Гордеевым немедленно направились туда.

– Мы тут сами смахиваем на двух педиков, – доверительно шепнул Денис.

– Пошел ты...

– Люблю, когда ты ругаешься, дорогой, – нежным голосом проворковал Денис.

В туалете Федор мыл руки. Не глядя в их сторону, пробормотал:

– Спуститесь этажом ниже, через бильярдную – выход к компьютерному залу. Игнатьев там.

Гордеев так и сделал, а Денис, на всякий случай, остался в бильярдной.

Гордеев без стука вошел в помещение, освещенное по всему периметру лампами дневного света. Компьютеров здесь было всего два, они стояли рядом, и за одним из них трудился толстый человек лет под сорок с выпяченной верхней губой. Гордеев заметил еще одну дверь, она вела в помещение, где контролировалась аппаратура для видеосъемки. Толстяк что-то бесконечно переписывал с компьютера, меняя дискеты и диски один за другим.

– Виктор Викторович, – негромко сказал Гордеев, и толстяк вздрогнул, как от удара плетью. Очевидно, он был уверен, что он тут совершенно один. – Вы думаете, вы взяли след, да? – насмешливо поинтересовался Гордеев.

– А... вы кто? – опешил Игнатьев. – Вы как сюда вошли?

– Допустим, вы участвуете в соревнованиях и обогнали бегуна, занимающего вторую позицию, – быстро проговорил Гордеев. – Какую позицию вы теперь занимаете? Отвечать не раздумывая!

– Первую, – машинально ответил Игнатьев. – Но...

– Неправильно! Вы обогнали второго бегуна и заняли его место, так что вы теперь на второй позиции. Попробуйте не ошибиться во втором вопросе.

– Да остановитесь же! – разозлился Игнатьев, поднимаясь на ноги. – Я вас сейчас арестую!

– Кишка тонка. Я член Московской коллегии адвокатов. За что вы собираетесь меня арестовать, любезный Виктор Викторович? Это я выдвину против вас обвинение, что вы мешаете мне получить доступ к информации о моем подзащитном.

– А, – свинные глазки майора сузились. – Кажется, понял... это вы защищаете Туре...

– Может быть, у вас получится с другим вопросом? У отца Мэри есть пять дочерей: Чача, Чече, Чичи и Чочо. Вопрос: как зовут пятую дочь? Отвечайте не раздумывая, от этого зависит ваше здоровье.

– Что?! Да как вы смеете...

– Отвечайте, Виктор Викторович, – неожиданно ласковым голосом сказал адвокат, – ну пожалуйста... – Гордеев даже умоляюще сложил руки. С одной стороны, ему было страшно: все-таки с огнем играл, с другой – он уже искренне забавлялся.

– Ну... может быть, Чучу?

– Конечно нет, тупица вы эдакий! Вспомните условие: «У отца Мэри пять дочерей». Конечно же ее зовут Мэри.

– Послушайте, вы, – прошипел побагровевший Игнатьев, – во-первых... во-первых... – Возмущение его было столь велико, что он не мог выбрать какую-то одну причину. Он сунул правую руку в карман.

Черт его знает, что там фээсбешники носят в карманах...

Гордеев быстро подошел вплотную и коротко ударил его под вздох. «Что я делаю, а?! – подумал Юрий Петрович, восхищаясь собственной наглостью. – Может, я камикадзе? Завтра буду соседом Турецкого по камере. Грязнов сказал: нахамить. Я и нахамил. Пожалуй...»

Игнатьев тем временем как рыба ловил ртом воздух, опрокидываясь обратно в компьютерное кресло. Правая рука выскочила из кармана, роняя на пол компактный электрошокер.

Ага, не зря мы его приложили...

– Давайте как-нибудь побеседуем в более официальной обстановке, – шепнул Гордеев в розовое ухо майора. – Скажем, вызовите меня на Лубянку как защитника господина Турецкого. Я буду просто счастлив.

Гордеев пулей выскочил в бильярдную и показал Денису, что надо сматываться. Вскоре они были уже на улице в своих машинах и разъезжались в разные стороны.

Через несколько минут оголтелой езды куда глаза глядят (точно сегодня напьюсь, решил Гордеев) его подрезал неизвестно откуда выскочивший джип Дениса. Выскочил и стал намертво. Денис вышел из машины и подошел, весело покручивая ключи на пальце.

– Юрка, ты так и не сказал, что там случилось с этим парнем?

– С каким еще парнем, – буркнул Гордеев, намертво вцепившийся в руль. – Я от вашей семейки с ума сойду.

– С тем, которого ты защищал, – напомнил Денис. – С Фединым братом, иск против домоуправления, помнишь? Вы его выиграли?

– А, – хмыкнул Гордеев, – выиграли, выиграли. Доволен?

– Ну расскажи, – не отставал Денис. – А я тебя ужином угощу. А знаешь что? Поехали назад, в «Крымский»! Чем плохая мысль?

Гордеев подумал, что мысль, в самом деле, вполне достойная, в подтверждение чего официант с внешностью английского дворецкого оказался абсолютно счастлив их повторному визиту. Они не стали изобретать велосипед и повторили свой же дневной заказ, только поменившись блюдами.

– Там действительно забавная история приключилась, – поделился наконец Гордеев. – Этот тип, младший брат Федора, он, видишь ли, поздно ночью не мог никак заснуть, решил полазить по порносайтам в Интернете.

– Законное дело, – одобрил Денис.

– А кто спорит? В общем, полазил так, что кровь заиграла, и парень сильно возбудился. Угадай, что он сделал? Что вообще делают в таких случаях?

– Не заставляй меня произносить это вслух. И не порть аппетит.

– Да я и сам с удовольствием скажу, – пожал плечами Гордеев. – Он вышел на балкон, чтобы слиться в экстазе с природой. А дело, между прочим, было зимой...

– Ого!

– Зато балкон был застекленный, жил парень на третьем этаже. Ну он створку открыл, подумал-подумал и встал на табуретку, дабы балкон не запахнуть. Но потерял равновесие, как бы это сказать... от удовольствия, понимаешь?

Денис кивнул.

– И совершенно голый, бедняга, упал вниз, слава богу, в сугроб, так что ничего не сломал, не вывихнул. Дальше самое интересное. Приходит он в себя, возвращается в подъезд, напоминая: в чем мать родила. Вид у него такой сумасшедший был, что консьержка его просто не узнала, да еще и отметелила шваброй. Бровь рассекла. Как Леннокс Льюис Виталию Кличко. Уж не знаю, как он домой попал, но не скоро и подморозил себе кое-что.

– Так ты выиграл дело или нет? – Денис уже стонал от смеха.

– А то. Речь свою в суде я начал так: «Дамы и господа. Как говорили великие русские физиологи, что естественно, то не безобразно...» – Гордеев хотел было вытереть руки, но обнаружил, что салфетки на столе кончились. Он сунул руку в карман пиджака за носовым платком, но, к собственному удивлению, вытащил газету. Это были «Известия», которые ему давеча всунул Турецкий.

– Ты чего, Юрка? – сказал Денис, заметив, насколько Гордеев переменялся в лице.

Он лихорадочно разворачивал «Известия». Где же эта чертова статейка?!

– Денис, смотри...

«Наше исследование позволяет предположить, что в основе некоторых качеств личности лежит генетическая структура, а эти качества играют важную роль в том, появятся ли у человека вредные привычки, такие как курение, и сможет ли он от них отказаться», – отмечает д-р Элбоу, который возглавлял исследование.

Ученым еще предстоит разгадать, почему определенные типы генов влияют на качества личности, но кое-какие путеводные нити у них уже есть...»

– Ты понял?!

– Ничего не понял, – честно сказал Денис.

«Не столь сильная взаимосвязь была выявлена между одним из вариантов другого гена – рецептора дофамина D4 – и экстравертным типом личности. Люди, в организме которых присутствует этот ген, также склонны к курению и употреблению наркотиков...»

– Теперь ты понял?!

– Да ни хрена я не понял! – возмутился Денис.

– Доктор Элбоу!!!

– Ну и что?

– Доктор Элбоу, я тебе говорю!

– Да слышал уже, – разозлился Денис. – Какого черта ты заладил?!

– Элбоу – как это переводится?

– Почему это вообще должно переводиться? Ну ладно, элбоу – это локоть.

– Вот именно! Элбоу – это Локтев.

– Ты объяснишь наконец?

– Подожди, сперва дочитаю... Ох уж этот Турецкий, с его загадками!

«Ученым еще предстоит разгадать, почему определенные типы генов влияют на качества личности, но кое-какие путеводные нити у них уже есть. Тип 5HTT-LPR влияет на уровень активности серотонина, а этот гормон помогает человеку контролировать такие эмоции, как беспокойство и подавленность.

Типы рецептора дофамина D4 влияют на реакцию мозга на допамин – сигнальную молекулу, которая тесно связана с поведением, характеризующимся стремлением к новизне и удовольствиям.

«Около половины случаев заболеваемости раком можно было бы предотвратить, если бы люди изменили свой образ жизни. Поэтому поиск путей изменения поведения – это один из наших ключевых приоритетов, – подчеркивает профессор доктор Элбоу. – Это исследование показывает, что некоторые люди особенно склонны к нездоровому образу жизни, который, как мы знаем, может быть причиной рака. У этих людей может быть повышенная сопротивляемость традиционным методам профилактики и лечения, и, возможно, к ним требуется более тонкий подход, например особая антинаркотическая (антитабачная, антиалкогольная) терапия, специально подобранная для их типа личности».

Денис уже отчаялся что-то силой вытащить из адвоката и просто терпеливо, а точнее, нетерпеливо ждал.

– Где нашли Турецкого? – риторически спросил Гордеев.

Денис обиженно молчал, и отвечать пришлось самому.

– Турецкого нашли на Ярославском шоссе. А точнее? На стоянке гипермаркета «Москарт», который, по стечению обстоятельств, открывался в тот же день. Турецкий говорит, что узнал об этом уже после, из газет. Из газет! – подчеркнул Гордеев. – Черта с два. Он же мне, дураку, таким образом подсказывал...

– Самокритично, – одобрил Денис.

– ...А я не понял. И тогда он мне газету с этой белибердой всунул – про то, что пристрастие к наркотикам и алкоголю определяется их генами. И в той же газете есть интервью с руководителем Департамента потребительского рынка и услуг правительства Москвы по поводу открытия «Москарта», в котором он распинается, как это здорово. И знаешь, как зовут этого чиновника? Локтев. Анатолий Евгеньевич Локтев.

– Совпадение, – отозвался Денис не совсем равнодушным тоном.

– Черта с два. Ты что, Турецкого не знаешь? Это как раз в его духе – такую головоломку подкинуть. Вот, пожалуйста:

«В субботу 20 апреля в Москве на Ярославском шоссе откроется первый отечественный гипермаркет сети „Москарт“. Как сообщил руководитель Департамента потребительского рынка и услуг правительства столицы Анатолий Евгеньевич Локтев, в создание гипермаркета, аналогов которому ни в Москве, ни в России пока не существует, вложено 28 миллионов долларов...»

– Ну и так далее, – свернул газету Гордеев. – Тридцать, блин, миллионов, а?!

– Двадцать восемь. Так ты думаешь, этот Локтев и тот доктор Элбоу, они кто? Они вообще как-то связаны? Или это один и тот же человек? Днем – московский чиновник Локтев, а ночью – доктор Элбоу?

– Не знаю. Вот и тебе работенка, Дэн, перепала. Займешься этим? Отработай, пожалуйста, возможную связь между ними. Я шестым чувством чую, тут что-то есть...

Гордеев созвонился с Федором Аксентьевым и поинтересовался, как дела в «Распутине». Оказалось, что фээсбэшники уехали, а больше новостей не было.

– Просматриваю видеозаписи по новой. Пока ничего.

Гордеев понял: речь идет о том, что Федор пытается понять, кто же из персонала замешан в этой истории. По мобильной связи говорить все открытым текстом было небезопасно.

– Звоните мне, как только что-то найдете.

– Разумеется, – хмыкнул Федор. – Это в наших общих интересах.

После разговора с секьюрити адвокат позвонил жене Турецкого и попросил разрешения приехать. Он общался с ней только единожды после ареста Турецкого, но то, скорее, было просто дружеское движение – поддержать супругу Александра Борисовича в нелегкую минуту. Впрочем, как показалось тогда Гордееву, оправившись от первого шока, Ирина Генриховна говорила о происшедшем с ее мужем даже с некоторым ехидством. Что, по наблюдениям адвоката, ни секунды не позволяло ей усомниться в том, что все закончится благополучно. Странная смесь нигилизма, подхваченного некогда у собственного ветреного супруга, и изрядного оптимизма (вероятно, оттуда же) делала эту женщину удивительно привлекательной. Гордеев виделся с ней пару дней назад, как только узнал о несчастье, случившемся с Турецким, и даже еще до того, как последний изъявил желание видеть Юрия Петровича своим адвокатом. Сейчас же во встрече назрела техническая необходимость: у адвоката появились конкретные вопросы.

Ирина Генриховна заканчивала занятия в своей музыкальной школе к восьми вечера и Гордееву предложила подъехать к ней домой, на Фрунзенскую, к десяти часам.

– Я могу заехать за вами на работу и отвезти домой, – немедленно предложил адвокат и друг семьи.

– Нет нужды, – последовал величественный ответ, – я на колесах.

Интересно, подумал адвокат и друг семьи, очень интересно. Значит, ее кто-то подвозит? Как бы это поделikatней выяснить. На всякий случай.

Итак, к десяти вечера Гордеев подъехал на Фрунзенскую и застал там все как всегда: дочь Турецкого Нинка трещала с кем-то по телефону, а сама Ирина Генриховна невозмутимо занималась домашним хозяйством, разогревала поздний ужин для встречи гостя. Гордеев подумал было захватить бутылку хорошего вина для улучшения контакта, но решил, что в данных обстоятельствах это все неуместно. Кстати, недалеко от подъезда стояла «Нива» Турецких. Гордеев не упустил случая приложить руку к капоту: мотор был теплым. Значит, в отсутствие мужа Ирина Генриховна пользуется его машиной. И никто ее не подвозит. Сама себя она подвозит.

Ужин оказался хоть и не первой свежести, но вполне на высоте – просто бефстроганов с картошкой, изумительно просто и вкусно.

– А вы все холостяк, Юра? – поинтересовалась Турецкая.

Последовал утвердительный кивок.

– Не надоело?

Последовал неопределенный жест.

– Хотите, познакомлю с очаровательной женщиной?

– Э... гм... – удивился адвокат. – Я ведь к вам, собственно, по другому делу.

– Помню, – хладнокровно сообщила жена арестанта. – Добавки?

– Нет уж, спасибо. Ужин, говорят, надо врагу отдавать...

– В смысле? Какому еще врагу?!

– Ну по пословице: завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин...

– Понятно, это вы о правильном образе жизни. Но, знаете, с таким чревоугодником, как мой муж, очень сложно правильно питаться.

– Надо отдать должное Александру Борисовичу, – дипломатично высказался Гордеев, – на нем это никак не сказывается... И на вас тоже, конечно, – спохватился он.

– Мерси. Так зачем пожаловали? Можете чем-то обрадовать соломенную вдову?

– Кое-какие подвижки есть, – подтвердил Гордеев. – Я сегодня немало времени провел с другим святым семейством – с Грязновыми, старшим и младшим, и должен сказать, это уже дало определенные результаты.

– Результаты? Неужели? – недоверчиво прищурилась Турецкая. – Наверное, Славка Грязнов научил вас, как Турецкому незаметно в камеру бутылку коньяка передать.

– Ну зачем вы так? – делано возмутился Гордеев. – Это мы, положим, и сами умеем... Фу-ты, я же не то совсем хотел сказать!

– Ладно уж. Хотите кофе?

Они перешли в гостиную, и Гордееву было позволено расположиться на любимом диванчике Турецкого. Он приступил к расспросам. Гордеева интересовало все, что с Турецким происходило в последние дни. Все неординарное.

– Да ничего неординарного не было. Все как обычно. Задерживался на работе. Выпивал с Грязновым.

– Были какие-нибудь странные телефонные звонки, что-нибудь другое, что вызвало повышенные эмоции Александра Борисовича?

После некоторых раздумий Турецкая покачала головой. И добавила:

– По крайней мере, я не помню. А почему бы вам у него самого об этом не спросить?

Гордеев отставил кофейную чашечку в сторону.

– Видите ли. Сложилась немного странная ситуация. Александр Борисович по каким-то своим служебным соображениям не может мне сказать всего, что меня интересует.

– Обратитесь к Меркулову. Не мне же вас учить?! – возмутилась Турецкая.

– Безусловно, вы правы. Я уже говорил с Константином Дмитриевичем и еще буду это делать по мере необходимости. Однако Турецкий – не единственный его подчиненный, и Меркулов не может быть в курсе всех нюансов. А в работе, которую я провожу сейчас, важны именно они. Мне надо за что-то зацепиться.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Ирина Генриховна, я же не сыщик и не следователь. Передо мной не стоит задача распутать конкретное уголовное преступление, в котором так или иначе оказалось замешано имя вашего мужа. Я – адвокат, крючкотвор. Мне нужна причина, по которой его можно будет, как минимум, вытащить из Лефортова.

– Спрашивайте, Юра, все, что вам нужно знать. Сейчас, в частности, и в любое время вообще.

По тону женщины Гордеев понял, что его слова попали в цель и она наконец прониклась важностью его миссии. Мысленно он «распустил галстук», его сковывали некоторые непонят-

ные официальные отношения, которые в этом странном деле почему-то и так имели место между ним и Турецким, а тут, если еще и жена его будет отбрыкиваться... Впрочем, нет, к такой элегантной женщине это слово неприменимо. Хотя Гордеев настойчиво гасил в себе все чувственные рецепторы, он все же не мог в сто первый раз не отметить, насколько хороша жена у Турецкого. Стоит ли вообще в его положении смотреть «налево»? Впрочем, у женатых свои причуды, нам их не понять...

– Ирина Генриховна, вспомните, с кем общался Александр Борисович в течение последней недели перед известными событиями.

– Перестаньте называть меня по отчеству!

– Слушаюсь, Ирина Генриховна, – шутливо отрапортовал адвокат и друг семьи.

– Это все-таки непосильная задача, – потеряла лоб Ирина. – У него же в производстве одновременно куча дела, он постоянно кого-то допрашивает, с кем-то встречается... Если бы я была его секретаршей... и то это было бы затруднительно.

– Попробуйте вычленив лишь то, что выбивалось из привычного фона. Я понимаю, что вы давно привыкли к суете, которая происходит вокруг работы мужа, но мне сейчас как раз и нужно найти моменты, которые не вписываются в эту суету. Вполне возможно, происходило нечто такое, чему и вы, и ваш муж не придавали значения, но что повлияло на ход событий. Скажем, не происходило ли чего-то экстраординарного у вас дома, может быть, с вами или с дочерью?

– Вы называете это суетой? – усмехнулась Турецкая. – По-моему, когда звонят в три часа ночи, это не суета, а хамство.

– Но вы же сами говорите, что мужу свойственно задерживаться на работе в Генпрокуратуре, – возразил Гордеев.

– Он дома был, – возразила Турецкая. – Это не он звонил, а ему звонили! Наверняка какая-то женщина. Совсем стыд потерял.

– Ага. Когда это было?

Турецкая подумала и сказала:

– За сутки до того, как он... до всего этого кошмара.

– Значит, звонок был в ночь, когда Александр Борисович последний раз ночевал дома?

– Да...

– Звонили по городскому телефону или по мобильному?

– В том-то и дело, что по городскому. Меня это вообще взбесило. А зачем же тогда ему три мобильных?! Вы знаете, Юра, что у этого сумасшедшего – три мобильных телефона?!

– Знаю, – кивнул адвокат. – Один – для семьи, один – для Грязнова и Меркулова и еще один – для остального человечества, как он говорит.

– Вот именно – для остального человечества! Пижон несчастный.

– Так что там с этим ночным звонком?

– У нас есть правило: домашний телефон всегда на ночь отключается, просто чтобы никто ночью нас не дергал. На всякий случай один из мобильных он кладет в карман пижамы и включает вместо звонка режим вибрации. Извращенец, – не без нежности добавила Турецкая.

– Понятно. И что случилось в тот раз?

– Я же говорю, почему-то зазвонил домашний! Долго звонил. Я проснулась. Нинка проснулась. Наконец даже Александр пришел в себя и снял трубку.

– Но вы же сказали, что он был отключен, я не понимаю, как он мог звонить?

– Я сказала: обычно отключен. Но не в этот раз.

– Почему?

– Потому что его просто не выключили! – воскликнула Турецкая.

– Так, – умиротворяюще поднял руки адвокат. – Давайте успокоимся, сосредоточимся и все, не торопясь, вспомним. Хорошо?

– Ладно, ладно!

– Ирина, посмотрите на меня.

Она подняла голову, и тут только Гордеев увидел, что глаза женщины наполнены слезами.

Надо отвлечь ее, заставить говорить и что-нибудь делать, подумал он.

– Ирина, сделайте еще кофе, пожалуйста.

Турецкая встала, и они снова перешли на кухню.

– Кто обычно отключает телефон?

– Я, конечно...

– Понятно.

– Но если Саша дома, то он, потому что он позже всех ложится.

– Ага! Но ведь он был дома?

– Вот именно, – подтвердила женщина. – А я о чем говорю?

– И он не выключил телефон?

– Выходит, так.

– Наверно, обычно он вообще забывал это сделать, верно? – сказал Гордеев, в глубине души надеясь на противоположный ответ.

– Я бы так не сказала.

– Хорошо. Можете припомнить подобные случаи?

Турецкая подумала.

– Ну хотя бы раз или два забывал?

– Пожалуй, нет...

– Значит ли это, что телефон им не был отключен намеренно?

– Вот уж не знаю. Вы юрист, сами делаете выводы.

– Хорошо. Тогда вернемся к звонку. Вы сказали, что проснулись все, прежде чем Александр Борисович подошел к телефону?

Турецкая покусала губы, задумалась.

– Ну так что же? – поторопил ее Гордеев.

– Не совсем так.

– Объясните.

– Я припоминаю, что мы лежали, телефон звонил, и я требовала, чтобы он взял трубку, а он все этого не делал.

– Почему? Что он говорил?

– Говорил... говорил, что, наверно, не туда попали и сейчас звонить перестанут и нечего вообще вставать.

– Но телефон звонил, верно?

– Нет, – вспомнила Турецкая. – Он действительно перестал. А потом опять начал. И опять перестал. И опять позвонил. И тогда Саша наконец подошел.

– Выходит, через два звонка на третий, – уточнил Гордеев.

– Вы думаете... это было так условлено? – сообразила Турецкая.

– Пока не знаю, но очень вероятно. Турецкий должен был телефон отключить, но этого не сделал. К первому звонку не подошел, хотя аппарат недалеко от постели, насколько я понимаю...

– Да.

– О чем был разговор, вы слышали? Или, может быть, он выходил в другую комнату?

– Нет, не выходил. Он же видел, что я не сплю. Только Саша вообще ничего, по-моему, не говорил. Он сказал «алло», потом что-то уточнил и положил трубку.

– Что именно уточнил, попытайтесь вспомнить.

– Кажется, время...

Турецкий уточнил время за сутки до истории в «Распутине», подумал Гордеев. Это что-нибудь да значит.

– И какое же время он назвал?

– Он ничего не назвал. Он переспросил: «Во сколько?» И все. Понимаете?

Гордеев кивнул. Это могло значить многое, а могло и не значить ничего. Его кофе давно остыл, но Юрий Петрович все рассеянно водил в нем ложечкой.

– Юра, – с сожалением сказала Турецкая, – я боюсь, вы придаете много значения этому пустяку. Может, Грязнов ему звонил, договаривался о какой-нибудь пьянке. Слава часто себе позволяет поздние звонки.

– Я проверю, – кивнул Гордеев.

Это мог быть и Грязнов, но все же едва ли звонок был случайным, Турецкий его явно ждал. И при этом не воспользовался мобильным, оставил включенным городской телефон. Почему? Ответ прост. Мобильный телефон легко прослушивать. При наличии определенных навыков это не составит для специалиста особого труда. Допустим, Турецкий действительно договаривался о встрече со своим информатором и хотел оставить это в тайне. А значит, перестраховывался и не воспользовался своими многочисленными мобильниками. Между прочим, не так давно разразился скандал, выяснилось, что базы московских номеров сотовой связи находятся в свободной продаже на черном рынке. А вот городской телефон крупного работника Генпрокуратуры вообще защищен от посягательств, его, конечно, тоже можно поставить на прослушку, но об этом неминуемо стало бы известно начальству Турецкого. А кто начальство Турецкого? Меркулов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.